

ЭТНОГРАФИЯ

Э. Т. КАРАПЕТЯН

ВЫКУП В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ АРМЯН И ЕГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОРНИ

В В Е Д Е Н И Е

Уже в середине прошлого столетия накопился богатый материал по свадебным обычаям армян. Армянская свадьба, сохранившая еще во многих местах свой относительно патриархальный характер, привлекала внимание не только армянских исследователей, но также многих русских и некоторых иностранных путешественников. Описательного характера сообщения мы встречаем в армянской периодической печати. Начиная с 50-х годов страницы газет „Нор-Дар“ (*Նոր-Դար*), „Мшак“ (*Մշակ*), „Ардзаганк“ (*Արձաղանք*), „Мегу Айастаны“ (*Մեղու Հայաստանի*) и журналов „Арагат“ (*Արարատ*), „Бюзандион“ (*Բյուզանդիոն*), „Бюраки“ (*Բյուրակի*) пестрят корреспонденциями о свадебных обычаях армян.

Описание различных актов свадебного цикла (сватовства, обручения, свадебного пиршества и т. д.) можно встретить в „Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа“, в „Этнографическом обозрении“, в „Известиях Кавказского отдела Русского географического Общества“, в газете „Кавказ“, „Тифлисский листок“, „Кавказский Вестник“ и даже в „Сообщениях Министерства Внутренних Дел“.

В основном все эти материалы носили характер эпизодического описания. Таковы работы Державина „Из жизни артовинских армян“, Григорова „Село Татев, Зангезурского уезда, Елисаветопольской губернии“, описание свадь-

бы в книге Дубравина „История войны и владычества русских на Кавказе“, Давыдбекова „Село Гадрут, Елисаветопольской губернии, Джембраильского уезда“, Осипова „Селение Даш-Алты, Шушинского уезда, Елисаветопольской губернии“, Майсурова „Свадебные обряды Ново-Баязетского уезда“, Скиталеца „Армянская свадьба в деревне“, Нефедова „Армянская свадьба“, Вейнберга „Картины кавказской жизни“. Несколько отличается от названных работа Чурсина „Армяне Зангезура“, в которой автор пытается объяснить различные акты свадебного цикла, как пережитки родового строя и матриархата.

Систематическая работа по сбору этнографического материала, а также материала, касающегося армянской свадьбы (если не считать программы по армянской этнографии Халатянца, в которой автор дает систематику сбора материалов), связана с основанием в 1895 году этнографического журнала „Азгагракан андес“ (*Ազգադրամի հանդես*). В журнале дано подробное описание быта и нрава армян различных районов. Основная заслуга записи материалов принадлежит основателю журнала Ерванду Лалаяну. В „Азгагракан андесе“ Лалаяном дано подробное описание быта армян большинства районов, как-то: Карабах, Зангезур, Ахалкалаки, Ахалцыхе, Борчалу (Лори), Вайоц-дзор (Шарур-Даралагяз), Муш, Ван.

Кроме Лалаяна сбором материалов занимались также Зелинский С., Егиазаров, Хаханов А., Халатянц Б., Мелик-Шахназаров Е., Патканов М. и многие другие.

Однако все эти работы носили также чисто описательный характер, всех привлекало в основном обрядовая сторона, и не было сделано попыток проанализировать эти обычаи. И только проф. Самвелян, автор „Истории культуры Армении“, первый, кто приступил к объяснению этнографического материала, а также армянской свадьбы. Самвелян впервые начал печататься в „Азгагракан андесе“, а также в „Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа“. Однако, работы Самвеляна этого периода были лишены марксистской методологии. После революции Самвелян отказался от своих неправильных тол-

кований, но тем не менее и более поздние работы не были лишены неправильностей и противоречий.

Основываясь на перечисленном описательном материале (в основном армянской периодической печати и данных „Азгагракан андеса“), а также на некоторых материалах, собранных нами в Аштарацком районе и у армян-переселенцев Карса, Сасуна и Эрзерума, мы пытаемся рассмотреть свадьбу, как отражение реальной действительности, отражение определенных социально-экономических отношений.

Свадьба представляет для нас большой интерес, так как в ней отразились явления из социально-экономической жизни. Являясь по своей форме игрой, своего рода театральным представлением, она впитала в себя реально существовавшие отношения. Так, в свадьбе порядок купли жен отразился в обрядах, потерявших со временем свое первоначальное значение и превратившихся в новые качества, продолжающие сохраняться в силу консервативности традиций. С другой стороны, в свадьбе имеются акты, отражающие действующее обычное право. Идя обратным порядком от застывших обрядовых форм, мы делаем попытки воссоздать отдаленно существовавшие социально-экономические отношения. В нашей работе мы рассматриваем выкуп, как порождение определенной социально-экономической среды.

Глава первая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЫКУПА

Брак посредством выкупа—один из способов заключения брачного союза, сущность которого заключается в том, что мужчина приобретает жену, внося определенное вознаграждение роду, которому принадлежит женщина. Это один из широко распространенных институтов, через которые прошли народы на первобытной ступени своего исторического развития. Вопрос происхождения брака-купли привлекал внимание многих ученых этнографов и социологов.

Еще в середине прошлого столетия буржуазные ученые высказывали мнение, что брак посредством купли появился постепенным замещением брака посредством умыкания.

Этого мнения придерживается этнограф Л. Я. Штернберг. „Современный способ приобретения жен,— пишет Штернберг,— выработался постепенно из старых родовых порядков коллективного и индивидуального похищения женщины чужого рода и последующего примирения в виде выкупа, преобразившегося в течение времени в современный калым“.¹

Близко к этому также мнение известного русского этнографа М. М. Ковалевского. Вот что пишет М. М. Ковалевский в своей работе „Очерки происхождения и развития семьи и собственности“. „Хотя пережитки обычая похищать намеченную в жены девушку сохранились еще и до сих пор, тем не менее этот обычай уже давно малопомалу стал заменяться обычаем купли, получившим не меньшее распространение. Объяснение причин, вызвавших

¹ Штернберг Л. Я., „Семья и род у народов Северо-Восточной Азии“, стр. 8, Ленинград, 1933 г.

эту замену, дано голландским ученым Вилькеном. Он утверждает, что плата за невесту, которую соглашаются принять родители, представляет собою сначала своего рода вергельд, другими словами выкуп, вносимый преступником, чтобы откупиться от преследований, которые могла начать против него жертва его преступления".¹

Среди армянских этнографов такое же объяснение происхождению покупного брака дает Х. Самвелян в своей трехтомной работе „Культура древней Армении“.

Такое чисто механическое объяснение происхождения брака посредством купли нам кажется недостаточно убедительным. Ошибочность этого положения вытекает из неправильного признания брака-умыкания более древним способом установления брачного сожительства. Брак-умыкание возник вместе с браком-куплей в период образования патриархального рода, появление которого обусловлено определенными экономическими изменениями. В брачных отношениях брак-купля и умыкание совпадают с образованием индивидуальной семьи, начальной формой которой является парная семья, как переходная ступень к образованию прочной индивидуальной семьи. Здесь следует оговориться, что первоначально покупной брак не носил характера купли и продажи. Изначально роду невесты вносились различные предметы, представляющие собою ценность, которые лишь со временем в условиях классового общества заменяются денежными взносами.

При парной семье, которая создается в результате бесконечного суживания круга мужчин и женщин потенциальных супругов, один мужчина и одна женщина соединяются на более или менее продолжительное сожительство. В силу ограничения брачных отношений, исключения из этого круга постепенно не только близких, но и дальних родственников, мужчина вынужден был приобретать жену из чужого рода. Это вело к похищению и купле.

„Со времени возникновения парного брака начинается

¹ Ковалевский М. М., „Очерк происхождения и развития семьи и собственности“. Огиз, Москва, 1939, стр. 49.

похищение и покупка женщин, служащие широко распространенными симптомами происшедшей, лежащей гораздо глубже перемены",¹—пишет Энгельс в своей знаменитой работе „Происхождение семьи, частной собственности и государства“.

Таким образом, брак-умыкание не предшествовал браку-купле, и, следовательно, последний не мог быть измененной формой его. Возникнув в один и тот же исторический период с умыканием, которое очень рано стало антиправовым явлением, брак-купля с дальнейшим развитием общества все больше и больше утверждается в качестве правовой нормы, становясь общераспространенным явлением.

Из истории Армении мы имеем сведения, которые дают нам основание предположить, что уже в древние времена выкуп являлся правовым институтом, а похищение лишь реакцией на него. Впервые упоминание о выкупе в Армении мы встречаем у отца армянской истории Моисея Хоренского. Моисей Хоренский в „Истории Армении“ дает описание свадьбы армянского царя Арташеса с дочерью аланского царя Сатеник. По сообщению Моисея Хоренского, царь Арташес, влюбившись в Сатеник, посылает к ее отцу своих приближенных вести переговоры о браке. Однако, аланский царь выражает сомнение, сможет ли царь армянский заплатить сумму, которую он потребует за свою дочь. „И где возьмет храбрый Арташес тысяча из тысяч и тьму из тьм, чтобы заплатить за божественного² происхождения царевну деву Сатеник“.³

И, очевидно, требуемая сумма была действительно настолько велика, что Арташес, не желая заплатить ее, должен был похитить Сатеник. Народное повествование образно передает похищение Сатеник:

¹ Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Огиз, 1947, стр. 56.

² Моисей Хоренский, „История Армении“. Москва, 1893 г., стр. 99.

³ Там же.

Мужественный царь Арташес сел на красивого воро-
ного коня,
И вынул аркан из красной кожи с золотым кольцом
И пролетел быстрокрылым орлом через реку,
И бросил аркан из красной кожи с золотым кольцом,
И обхватил стан царственной девы аланов,
И причинил сильную боль стану нежной царственной
царевны,
Быстро увлекая ее в свой лагерь".¹

Это сообщение интересно для нас по двум причинам. Во-первых, из него мы узнаем, что уже к концу первого тысячелетия к похищению прибегали лишь в случае невозможности выплатить покупную цену невесты, следовательно, законным являлось заключение брачного союза посредством взноса выкупа. Описание похищения Сатеник ценно и потому, что мы узнаем отношение самого историка к факту похищения. Несмотря на то, что похищение Сатеник все-таки состоялось, Моисей Хоренский объясняет это как покупку.

Аркан из красной кожи с золотым кольцом историк склонен рассматривать как символическое выражение выкупа, „так как у аланов в большом уважении красная кожа, — объясняет историк, — то Арташес отдает в приданое² много красной кожи и много золота. Вот что означает аркан из красной кожи с золотым кольцом".³

Такое толкование нужно объяснить тем, что брак посредством купли был действующей правовой нормой и поэтому более приемлемой для историка. К похищению прибегали лишь в случае несостоятельности или нежелания по каким-либо причинам выплатить требуемый выкуп, а также в случае отказа со стороны родителей невесты. Ни то, ни

¹ Բաժանորդն правильнее перевести как благородный. См. Հայկական ժողովրդի:

² Моисей Хоренский, „История Армении“. Москва, 1893 г., стр. 99.

³ Վարձանք — плата. См. Адонц, „Армения в эпоху Юстиниана“, С.-Петербург, 1908, стр. 189.

другое не было достойно царя. Вот почему историк факт похищения Сатеник объясняет как выкуп.

В VI веке покупка жен в Армении уже настолько глубоко вкоренилась в жизнь, что византийский император Юстиниан был вынужден для искоренения его посвятить отдельные статьи в своем законодательстве, изданном в 535 году. Во вступлении XXI новеллы „О том, чтобы армяне во всем следовали римским законам“ (*De armeniis, ut et illi per omnia Romanorum leges sequantur*)¹ говорится, что у армян „женщины покупались женихами“.

Из этнографического материала мы имеем еще в XIX веке ряд случаев похищения невесты. Основным поводом к похищению являлось какое-либо препятствие к законному заключению брачного союза. В основном к похищению прибегали в случае несостоятельности выплатить выкуп или же из-за разницы социального положения, которое являлось также серьезным препятствием к законному заключению брачного союза.

„Похищение невесты еще существует среди армян Ахалдхского района, но его нельзя считать частным явлением; главной причиной похищения—несогласие родителей девушки в вопросе замужества“.²

В Борчалинском (Лори) районе похищение имело место в том случае, когда родители невесты из материальных соображений, т. е. из-за бедности юноши, препятствовали браку.³

В Карсе „Бедный юноша просит руку девушки; родители потребовали за нее 100 руб., не будучи в состоянии заплатить требуемую сумму, юноша похищает ее“.⁴

В Варанде (Карабах), в Александрополе (Ленинакан) и в других местах имелся также ряд случаев похищения, который был вызван несогласием родителей выдать дочь за любимого ею юношу из-за недостаточности выкупа.

¹ Адонц, „Армения в эпоху Юстиниана“. С.-Петербург, 1908, стр. 185.

² Этнографическое обозрение, 1889, № 1.

³ *Եր-Ղար*, 1887, № 99.

⁴ *Եր-Ղար*, 1895, № 87.

Из приведенных материалов мы видим, что с древнейших времен до XIX века принятым способом заключения брачного союза был выкуп, а похищение—лишь коррективом к нему.

Брак посредством выкупа—сложное историческое явление, появление которого определяется тем сдвигом, который произошел в экономической жизни вследствие роста производительных сил и производственных отношений, которые разрушили материнский род и создали условия для появления патриархата.

Появление патриархата связано с изменением в экономике, которое на этой ступени развития обусловлено изменением соотношений между тремя основными видами хозяйства: земледелием, охотой и скотоводством.

Увеличивающаяся потребность растущего рода не могла быть удовлетворена прежним способом ведения хозяйства и создала необходимость в новых видах производства. Так, прежнее возделывание маленьких участков земли заменяется обработкой более значительных земельных пространств, требующих огромного физического труда. Мужчина, как физически более сильный, вытесняет женщину, которая прежде играла главную роль в земледелии.

Далее, охота, которая прежде была основным занятием мужчины, но которая в силу своего эпизодического характера не могла быть надежным источником существования, заменяется приручением животных и затем скотоводством, которое со временем становится главной отраслью хозяйства. Приручением животных и разведением скота занимается также мужчина. Таким образом, мужчина занимает главную роль в двух основных отраслях производства—земледелии и скотоводстве. Эта роль мужчины в хозяйстве изменяет его общественное положение. Говоря об общественном положении этого периода, мы имеем в виду то место, которое занимает мужчина в семье, ибо в это время семья является основной общественной организацией. Становясь основным хозяйственным субъектом, мужчина все больше и больше связывается со своим материнским родом. В этих условиях женатый мужчина оста-

421—6

ется в своем роде, женщина же вынуждена переселиться к нему.

Хотя с разложением первобытного общинного хозяйства женщина уже не играла прежней роли в хозяйстве, тем не менее она продолжает занимать не маловажное место в производстве средств существования. Переселением женщины род мужчины приобретал в ее лице новую трудовую единицу, новые рабочие руки, которые в условиях развивающегося скотоводства становились необходимыми.

„С рабочей силой, в особенности после того, как стада перешли во владения семей, произошло то же, что и с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться“.¹

В этот период женщина продолжает оцениваться не столько в силу традиции, сколько в силу той роли, которую она занимала в хозяйстве.

С другой стороны быстро размножающееся стадо стимулировало накоплению богатства. Мужчина, как обладатель больших богатств в виде огромных стад, стремится передать их своему прямому наследнику, поэтому рождение детей в роде приобрело также большое значение. По этим двум причинам род мужчин был заинтересован в приобретении женщины, но по этим же причинам род женщины не отпускал ее, не получив надлежащего вознаграждения, эквивалентного тому ущербу, который терпел род женщины, теряя в ее лице работницу и продолжательницу рода.

Анализируя свадебные обычаи различных районов Армении, как-то: Зангезура, Карабаха, Гандзака, Лори, Дживаншира, Муша, Вана и др., мы находим целый ряд обрядов, которые, как нам кажется, можно объяснить не иначе, как обряды, направленные на обеспечение этих двух назначений женщины в доме мужа.

Уже при выборе невесты родители жениха обращали внимание на ее физические качества: девушка должна была

¹ Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Огиз, 1947 г., стр. 64.

обладать достаточно крепким здоровьем и силой, с тем, чтобы она могла справиться с тяжелыми трудовыми обязанностями. Этим и определялась красота женщины, ибо понятие красивого не есть понятие абстрактное, а отражение в конечном счете реальной жизни.

„Следствием жизни в довольстве при большой работе,—пишет Чернышевский,—не доходящей, однако, до изнурения сил, у молодого поселанина или у молодой девушки будет свежий цвет лица и румянец во всю щеку—первое условие красоты по простонародным понятиям. Работая много,—поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка при сытой жизни будет довольно плотна—это также необходимое условие красавицы сельской. У сельской красавицы не может быть маленьких ручек и ножек, потому что она много работает“.¹

Этими и другими признаками здоровья, а, следовательно, и трудоспособностью определялась красота женщины и в армянской деревне. Восхваляя девушку, обычно говорили, что она краснощекая, высокая, здоровая. Армянская поговорка гласит: „Девушку хвали во время косьбы“² (*Աղջիկը օրհին տակ գովել է*):

В одной колыбельной песне мать желает, чтобы у ее дочери было много женихов, свое желание она объясняет тем, что дочь ее умелая хозяйка.³

В Муше, когда девушки наряжают невесту в подвенечное платье, мать обращается к дочери с песней, содержание которой примерно следующее:

*Աղջի, աչք ունիս ստի ելի,
Փրբով հացով դու աղբի,
Կուժ ու տակդ եմ բերի,
Ծծակաթդ էլ հալալ քի:*

¹ Чернышевский, „Эстетика“. Гос. изд. Искусство, Москва—Ленинград, 1939, стр. 8—9.

² Հ. Սարգսյան, «Բալլադ», Գահիրե, 1931, էջ 563:

³ Աղաաղաշան հանդես, 1906, 12-րդ զիջք, էջ 152:

Девушка, если есть у тебя глаза, встань на ноги
С добром и хлебом ты живи,
Кувшин и веник я тебе принесла,
Оправдай молоко, которым ты вскармливалась.¹

В Васпуракане женщины, желая выбрать невесту, устраивали откровенный осмотр. Девушку заставляли пройти по комнате с тем, чтобы проверить не хромота ли она, поднимали вверх руки, произнося что-либо шопотом, проверяли ее слух, давали продеть нитку в иглу с тем, чтобы проверить зрение. Иногда даже для более тщательного осмотра раздевали ее догола.²

В Карабахе, Шуше, „мать девушки, узнав о приходе сватов, наряжает и выводит дочь, предлагает осмотреть ее, и часто сама мать раздевает ее, чтобы доказать безукоризненность физических свойств дочери“.³

По рассказу жительницы Эрзерума (Азний Сафарян), когда приходили сваты, девушка выходила к ним с подносом на руках и угощала гостей вареньем и другими сладостями. Все это время женщины следят за тем, как она себя ведет.⁴

В Зангезуре, „когда сваты входят в дом, мать делает знак дочери, и девушка с рвением начинает подметать уже подметенную комнату, стелит ковер и тюфяки. Затем берет кувшин, идет по-воду, вернувшись, разводит огонь. Все это время сват, разговаривая с матерью девушки, следит за ее движениями“.⁵

Для более подробного осмотра в некоторых районах осмотр девушки происходил в бане. Аналогичные обряды мы встречаем в Муше, Джавахке и др.

Интересны также обряды, связанные с принятием в дом молодой. В Джавахке, „встретив свадебный кортеж,

¹ Արձադանք, 1894, № 48:

² Աղագրական հանդես, 1910, 20-րդ թիվը, № 2, էջ 146:

³ Նոր-Պար, 1897, № 128—131:

⁴ Рассказ жительницы Эрзерума, 90 лет; материал, собранный нами.

⁵ Աղագրական հանդես, 1898, 9 թիվը, էջ 210:

мать жениха вводит молодых в дом, здесь перед невестой кладут крышки тондыра и если она сообразит поднять ее—значит будет хорошей хозяйкой, затем невеста должна подмести дом, взять и посыпать щепотку соли в варящееся кушание¹.

В Карабахе „наутро после брачной ночи молодая, встав ранним утром, прибирает и подметает весь дом и, собравши мусор в угол, кладет на него свои чусты, входит свекровь, хвалит невестку за ее трудолюбие и бросает несколько монет в чусты, в знак одобрения.“²

Рассказывают, что в Бюракане (Аштаракский район) по тому, сообразит ли молодая взять веник и подмести дом, судят какой она будет работницей.³

Такой же обряд с некоторыми малыми различиями встречается в Муше, Тароне, в Вайоц-дзоре.⁴

Этот обряд является с одной стороны символическим испытанием невестки, как хозяйки, и, с другой стороны, закреплением за ней ее обязанностей. Примечательно, что принимает в дом и вознаграждает молодую мать жениха, а не отец, что казалось было бы естественнее в патриархальной семье. Свекровь принимает и вознаграждает невестку, как возглавительницу того круга работ, которые должна выполнять молодая в доме мужа. О том, что невестка принимается в дом мужа, как трудовая единица, красноречиво говорит шуточная песня, которой дружки вызывают мать жениха при приближении свадебного кортежа к его дому. Песня также обращена к матери жениха (за

¹ Աղդադրաճան չանդեն, 1896, Ա դիրք, էջ 261:

² Նույն տեղում, 1897, Բ դիրք, էջ 143:

³ Рассказ, написанный в Бюракане.

⁴ В этом отношении не безынтересна одна из сказок Алашкертского района. Содержание сказки заключается в следующем. У одного царя была ленивая дочь. Он выдает ее замуж за очень бедного, но трудолюбивого юношу. Девушка в доме мужа продолжает некоторое время лениться, но за лень она лишается еды. Каждый раз, когда возвращается домой муж, он спрашивает мать: „Кто сегодня работал“? „Я и ты“—отвечает мать. „Значит кушаем я и ты“. И девушка, вынуждаемая голодом, начинает работать и становится примерной работницей.

Աղդադրաճան չանդեն, 1906, 13-րդ դիրք, № 1, էջ 85:

исключением одного варианта в Муше, который обращен к отцу зевиха, но судя по тому, что на песню выходит мать, нужно полагать, что это искаженный вариант).

Приведем несколько вариантов песни:

I. Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Դուրսդ քթովդ ենք բերել,
 Շորերդ թափող ենք բերել,
 Ոտներդ լվացող ենք բերել,
 Մեջքդ քորող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Ալիքդ մաղող ենք բերել,
 Խմորդ հունցող ենք բերել,
 Տյափ բռնող ենք բերել,
 Խմորդ պլուլող ենք բերել,
 Թորոնդ էրող ենք բերել,
 Հացդ թխող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Շուշան քաղող ենք բերել,
 Փիփերթ հնրող ենք բերել,
 Ճրագ վառող ենք բերել,
 Կրակ անող ենք բերել,
 Խորակ եփող ենք բերել,
 Հաց-ջուր անող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Դոմդ քերող ենք բերել,
 Մարագդ սրբող ենք բերել,
 Կովդ կթող ենք բերել,
 Հորթդ կապող ենք բերել,
 Ուլդ բռնող ենք բերել,
 Այծդ կթող ենք բերել,
 Խնոցիդ հարող ենք բերել,
 Մածունդ մերող ենք բերել,

Թանգ կտրցնող ենք բերել,
 Յուզդ հալսդ ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Տունդ սրբող ենք բերել,
 Կուժդ ուսող ենք բերել...
 Բազնեզ ջրող ենք բերել,
 Լորիդ քաղսդ ենք բերել,
 Շորդ կարող ենք բերել,
 Դլուխդ լվացող ենք բերել,
 Ասեղդ թելող ենք բերել,
 Դուլքեզ անող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Շիրեփդ խլող ենք բերել,
 Մառանդ մտնող ենք բերել,
 Բանալիդ խլող ենք բերել,
 Չանչ կրող-անող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Դլուխդ հողսդ ենք բերել,
 Տունդ քանդող ենք բերել,
 Դլխիդ բամփող ենք բերել,
 Ումբրդ թաղող ենք բերել...
 Տղիդ խլող ենք բերել,
 Պոչդ պոկող ենք բերել,
 Ծամդ քաշող ենք բերել,
 Տունդ տիրող ենք բերել...
 Թագավորի մեր, տանեն դուրս եկ,
 Տես քեզ համար ինչ ենք բերել.
 Սատանայի ճուռ ենք բերել,
 Մութ դժոխքից դե ենք բերել...
 Ինչ որի ա, քու ապրանքն ա,
 Դու ես միայն սրա տերը.
 Եկ բրովի, կուլավն ընկնի,
 Յանեզ քցի ու ներս քաշի,

Թե տներն ուղի բախտդ քու օջախի,
 Թամուզ կը պահի ստիրը հարսի...¹
 Դուրս արի, հայ դուրս արի,
 Թագավորի մեր, դուրս արի.
 Քեզ խզմաթքյար եմ բերե,
 Քեզ դուռ ավուդ եմ բերե,
 Քեզ դուռ դնող եմ բերե,
 Քեզ ձավար ծեծող եմ բերե,
 Քեզ շալ գործող եմ բերե,
 Քեզ լվացք անող եմ բերե,
 Քեզ հաց թխող եմ բերե,
 Քեզ կերակուր եփող եմ բերե,
 Քեզ գուլպա գործող եմ բերե,
 Քեզ գլուխ քթվող եմ բերե,
 Քեզ լողացնող եմ բերե,
 Քեզ շոր կարող եմ բերե,
 Քեզ տեղ քցող եմ բերե,
 Քու. թխքից ընկեր եմ բերե,
 Քու գլուխդ ջարդող եմ բերե,
 Քեզ տնից դուրս անող եմ բերե:²

II. Թագավորի մեր, դուս արի,
 Դսի դռան դեմ արի,
 Քու խան որդիդ եկեր է,
 Տներդ ավուդ բերեր է,
 Թունդիրդ վառող բերեր է:³

III. Թագավորի մեր, դուս արի,
 Տես քեզ համար ինչ եմ բերե.
 Թունդիր վառող եմ բերե,
 Տունդ ավուդ եմ բերե,
 Կովդ կթող եմ բերե,
 Դուլիդ դմվող եմ բերե:⁴

¹ Ազգագրական հանդես, 1900 թ., 2 դիրք, էջ 263—265:

² Նույն տեղում, 1899, Ե դիրք, էջ 207:

³ Նույն տեղում, 1896, Ա դիրք, էջ 260:

⁴ Նույն տեղում, 1907, 16-րդ դիրք, էջ 26:

Перевод песни

Мать царя, из дому выйди,
Посмотри кого мы привели тебе:
Ту, которая должна тебе голову чесать.
Ту, которая должна тебе одежду чистить.
Ту, которая должна тебе ноги мыть.
Ту, которая должна тебе спину чесать.
Мать царя, из дому выйди,
Посмотри кого мы привели тебе:
Ту, которая должна муку просеивать.
Ту, которая должна тесто месить.
Ту, которая должна тесто скатывать.
Ту, которая должна тондыр разжигать.
Ту, которая должна хлеб печь.
Мать царя, из дому выйди,
Посмотри кого мы привели тебе:
Ту, которая должна цветы рвать.
Ту, которая должна травы чистить.
Ту, которая должна огонь зажигать.
Ту, которая должна огонь разжигать.
Ту, которая должна обед варить.
Ту, которая должна воду приносить.
Мать царя, из дому выйди,
Посмотри кого мы привели тебе:
Ту, которая должна конюшню чистить.
Ту, которая должна амбар подметать.
Ту, которая должна коров доить.
Ту, которая должна теленка привязывать.
Ту, которая должна козу доить.
Ту, которая должна хноци качать.
Ту, которая должна мацони квасить.
Ту, которая должна тан варить.
Ту, которая должна масло топить.
Мать царя, из дому выйди,
Посмотри кого мы привели тебе:
Ту, которая должна дом подметать.
Ту, которая должна огород поливать.

Ту, которая должна фасоль собирать.

Ту, которая должна платье шить.

Ту, которая должна голову мыть.

Ту, которая должна чулки вязать.

Мать царя, выйди,

Посмотри кого мы привели тебе:

Ту, которая должна у тебя разливную лож-
ку украсть.

Ту, которая должна в твой амбар залезть.

Ту, которая должна у тебя ключи украсть.

Ту, которая должна тебя в могилу свести.

Ту, которая должна дом твой разрушить.

Ту, которая должна тебя по голове колотить.

Ту, которая должна у тебя сына отнять.

Ту, которая должна тебя за волосы таскать.

Ту, которая должна твоим домом овладеть.

Мать жениха, выйди,

Посмотри кого мы привели:

Дочь сатаны мы привели,

Деву из темного ада привели,

Что бы то ни было, твой товар,

Только ты ее хозяин,

Иди возьми и введи ее в дом.

Содержание остальных вариантов примерно такое же, поэтому мы не приводим переводы.

Из этой песни совершенно очевидна та роль, которую играла женщина в хозяйстве мужа. Здесь с педантичностью перечисляется весь трудовой процесс, исполняемый ею. Молодая должна просеивать муку, месить тесто, печь хлеб, разводить огонь в тондыре, варить кушанье, смотреть за скотом, готовить молочные изделия, приносить воду, шить одежду, убирать дом, следить за огородом и многое другое. Это и есть в действительности та работа, которую выполняла женщина в армянской деревне. Эта песня отражает также, как реальное трудовое начало вступает в борьбу с традицией. Интересно, что вначале невеста, как неопытная молодая хозяйка, должна угождать

свекрови, чистить ей голову, стирать и шить для нее одежду, мыть ноги, стелить постель. Молодая вынуждена делать все это, так как она находится в подчинении у свекрови, как старшей хозяйки, которая распоряжается всем добром и хозяйством, находящимся в ведении женщины. Однако со временем, когда молодая овладевает сложным трудовым процессом, который входит в обязанности женщины-хозяйки, она постепенно вытесняет свою стареющую свекровь. Этот момент образно передан в следующих строках песни:

Ту, которая отнимет у тебя разливную ложку;

Ту, которая войдет в твой амбар;

Ту, которая отнимет твои ключи.

А со временем свекровь, как нетрудоспособная единица, становится предметом издевательств и преследований молодой трудоспособной невестки, о чем и свидетельствует концовка песни.

Женщина, как мы уже говорили выше, в доме мужа оценивалась также как продолжательница рода. Уже при сватовстве желание выбрать здоровую девушку объясняется не только тем, чтобы иметь в ее лице хорошую работницу, но и тем, что здоровье есть залог того, что женщина будет иметь здоровое поколение. Внешних признаков, по которым заранее можно было бы определить, каково будет поколение выбранной женщины, нет. Однако, вполне естественно предположить, что сильная и здоровая женщина даст похожих на себя детей. Вот почему при смотринах, которые проводились в бане, сваты обращали особое внимание на грудь.

Свидетельством того, что одним из основных назначений женщины в доме мужа являлось рождение детей, служит существующий в Армении обычай, который разрешал мужчине, наряду с законной женой, в случае, если она бездетна, содержать другую.

В Васпуракане (Ване) „если жена не имеет детей, муж может взять вторую жену, причем первая его жена при-

миряется с этим фактом¹. Церковное законодательство, которое отражает существующие отношения, узаконило этот порядок, допускаемый обычным правом. § 64 Законодательства св. Саака Партева разрешает развод в случае бездетности жены, то же имеем мы в более поздних законодательствах.²

О том, что женщины в крестьянской семье оценивались как продолжательницы рода, говорит один из вариантов приведенной выше поговорки: „девушку хвали за люлькой“. С рождением первенца положение женщины намного улучшалось.

В свадьбе существует обряд, так называемое „сажание мальчика“. Состоит он в следующем: новобрачные входят в дом, невеста отправляется в отдельную комнату, где для нее приготовлено специальное сидение, на котором сидит маленький мальчик. Невеста дарит мальчику пару носок, которые называются: *դոռկուկ կրկն դուլիշ* — носимые за поясом носки. Мальчик, взяв их уступает ей место.³

В Гохтне свекровь подносит ребенка, которого невеста берет на руки и затем дарит ему вышитый ею маленький мешочек.⁴

То же в Карабахе, Буланхе, Ахалкалаке⁵ и других районах. Этот обряд является остатком древнейших времен, когда человек верил в то, что различными магическими действиями можно вызвать то или иное положительное качество. Сажание мальчика проделывалось с целью, чтобы молодая рожала детей и именно мальчиков, которые более необходимы и желательны, как работники.

Кроме этого обряда существует ряд обрядовых действий, которые, правда, не имеют непосредственного отношения к женщине, но то огромное место, которое они

¹ *Ազգագրական Հանդես*, 1900, XX գրք, стр. 144.

² *Հանրագրք Հայոց, Թիֆլիս, 1913*.

³ *Ազգագրական Հանդես*, 1906, XIII գրք, стр. 162.

⁴ *Նույն տեղում*, 1904. XII գրք, стр. 132.

⁵ ОМОПИК, 1893 г., вып. 13.

занимают в свадьбе, говорят о значении деторождения и, поэтому, о роли женщины, которая являлась, выражаясь словами Энгельса, „основным орудием деторождения“. Эти обряды в основном различные магические предосторожности и действия, способствующие размножению.

Первобытный человек не мыслил фауну и флору замкнутыми мирами. Наблюдая в растительном и животном мире проявление силы плодородия, различными магическими действиями переносил эти качества на человека. Так, растительной силой и силой животных пользовались для воздействия на плодородие человека. В этом свете интересно, что в армянской свадьбе большое место занимают животные и растения, которые в народном представлении так или иначе связываются с производительными силами природы.

Широко распространенным является ритуал резания быка (*h̄q h̄w̄rk̄l̄*).

В Гандзаке, „накануне свадебного пиршества, обычно в пятницу, отец жениха с родственниками и гостями, в сопровождении местной музыки *q̄h̄n̄l̄-q̄n̄l̄n̄sh̄* отправлялся на площадку, где уже собрались и танцуют девушки и молодые невестки. Здесь завязывают ноги быка и сваливают его на землю. Жених и кавор (*q̄w̄l̄n̄r̄*) с горячими свечами в руках приближаются к животному. Жених делает ножом крестообразный знак на шее быка, закрывает и кладет окровавленный нож в карман, открывает его в брачную ночь с тем, чтобы не потерять половую способность. В городе этого же района, вместо ножа применяется замок, который также обмакивается в бычью кровь и хранится закрытым.“¹

В Вайоц-дзоре при процедуре резания быка, жених острием ножа разрезал шею быка, смачивал его кровью, выдергивал из хвоста волос, клал его на лезвие ножа, закрывал и также хранил в кармане.²

¹ Ազգադրամիկ հանդես, 1900, II դիրք, стр. 252.

² Նույն տեղում, 1906, XIII դիրք, стр. 152.

В Борчалинском районе мать жениха мочила кусок красной нитки в капле брызнувшей крови и хранила ее усебя до брачной ночи.¹

Этот обряд мы объясняем не иначе, как обряд, создающий плодородие человека.

Известно, что у армян бык, как в прочем и у других народов, являлся предметом поклонения. Древний человек непосредственно связывает быка с производительными силами природы, как животное, занимающее такое огромное место в земледельческих работах, результатом которого являлся урожай.

Действия, совершаемые во время резания быка, должны были создать плодородие жениха. Обмакивая в кровь животного нож, замок или нитки и храня при себе, жених тем самым переносил на себя способность размножения. Кроме того, что кровь эта принадлежит быку, носителю плодородия, она является с другой стороны овеществлением жизненной силы.

Волосы, вырывающиеся из бычьего хвоста или клок шерсти также обладали магической силой. Известно, что хвост быка как в религии Митра, так и народов Гвинеи уподоблялся колосу. По народному поверию армян, если выдернуть волосы с хвоста почитаемых быков и бросить в амбар с зерном, то он будет неисчерпаемым.

Закрывание замка и затем их открывание проделывалось с тем, чтобы жених не лишился половых способностей.

Другой, не менее интересный обряд, который мы также связываем с рождением детей—это украшение дерева. Обряд этот заключается в следующем: молодые девушки укрепляют ветку дерева разноцветными нитками на кусок доски. Затем к этой ветке, которая служит остовом, привязывают другие и украшают их яблоками, грушами, гранатами, нанизанными на нитки, изюмом и другими фруктами.

¹ Աղագիրահին ձանդեր, 1902, IX գիրք, стр. 227.

В Варанде на вершине этого сооружения прикрепляли курицу.

В Гохтне этот обряд называется *սևի հյուսի*¹. Ветка ивы украшается разноцветными бумагами, изюмом, засушенными цветами, орехами, на вершину укрепляется гранат, а под ветки кладется лаваш, посыпанный солью.¹

В Буланхе, Гандзаке и других районах мы находим обряд того же характера.²

Это деревцо обычно сопровождало свадебный кортеж в церковь и обратный путь к дому невесты.

Украшение деревца, которое занимает такое большое место в свадьбе, является остатком поклонения первобытного человека деревьям.

В Армении известен ряд деревьев, которым народ предписывает способность вылечивать от различных недугов. Однако, нас этот обряд, интересует, как обряд, связанный с плодородием.

Мы видим, что дерево в основном украшается фруктами. Если перенестись в эпоху, когда человек одушевлял природу и переносил качество неодушевленного на одушевленный предмет, то не без основания можно предполагать, что обряд дерева есть тоже своего рода овеществление плодородия, присутствие которого на свадьбе должно было вызвать тождественные качества у новобрачных.

Вспомним, что в Гандзаке бездетные женщины проходили через разветвления святых деревьев с тем, чтобы иметь детей.

Выкуп — сложное историческое явление, возникновение которого возможно в определенной исторической среде, где производительные силы и производственные отношения создали условия для накопления богатств, которые в свою очередь могли породить обмен, а затем и куплю, одним из видов которой является покупка жен.

¹ Աղղաղրահան հանդես, 1904, XII դիրք, стр. 128.

² Նույն տեղում, 1899, է դիրք, стр. 109.

Глава вторая

ВЫКУП—ДЕЙСТВУЮЩИЙ ПРАВОВОЙ АКТ

Порядок купли жен в Армении сохранился не только в обрядах, потерявших свой первоначальный смысл и приобретших уже символический характер, но и в качестве действующего договорного правового акта.

Многочисленные сообщения периодической печати свидетельствуют о том, что покупка жен существовала в Армении еще до конца XIX в.

Корреспондент Ахалкалакского района неоднократно сообщал о существовании в Ахалкалаке разорительного обычая выкупа (*բարձր*). „Крестьянин продает свою дочь в полном смысле этого слова, продает так, как свою лошадь, вола, т. е. отдает дочь тому, кто больше денег даст за нее,—„кто больше денег даст, тому и отдам, такую дочь имею, почему бы не взять за нее двести рублей (заявляет отец девушки)“.¹ В одной из деревень этого же района крестьянин продал своих двух дочерей одну за пятьдесят, другую за семьдесят рублей.

По сообщению другого корреспондента в Армавире, „за девушку отец жениха дает сто рублей, родителям невесты эта сумма кажется недостаточной, по этой причине между сторонами начинается торг, и когда выясняется, что женихова сторона не намерена увеличить выкуп, брак расторгается“.²

В Варанде, выдавая девушку замуж, родители в первую очередь думали о той сумме, которую должен заплатить жених.³ В этом же районе, в Шуше, отец девушки

¹ *Նոր-Դար*, 1902, № 77:

² *Նույն տեղում*, 1896, № 14:

³ *Նույն տեղում*, 1889, № 9:

откровенно заявлял: „пусть жених будет богат, остальное меня не интересует“.¹

В Шамахе отец девушки выбирал жениха по богатству, пусть будет он больным, инвалидом и даже ненормальным, лишь был бы богат.²

В Карсе, „выдавая дочь замуж, родители просят сто рублей, иногда даже триста“.³

В описаниях быта и нрава армян Вайоц-дзора (Шарур-Даралагяз) читаем: „После продолжительного торга наконец решают, что должен дать отец жениха отцу невесты, как выкуп за дочь“.⁴

Выкуп, как обычное право, мы встречаем также во многих других районах Армении: в Борчалу (Лори), Гохтне (Нахичеван), Абаране, Буланхе, Муше.

Из приведенных сообщений можно заключить, что купля жен в Армении в XIX веке не единичные случайные факты, а широко распространенное явление. Большинство авторов указанных сообщений пытается объяснить существование выкупа, как порчу нравов. На самом деле это явление своими корнями уходит в далекое прошлое армянского народа. Возникнув в определенный исторический период в определенных социально-экономических условиях, о которых мы уже говорили выше, пыкуп продолжает существовать в Армении до конца XIX века, в силу того, что этот период оправдывал его существование.

Устойчивость выкупа в Армении можно объяснить частично консервативностью традиций, которые безусловно играли роль тормозящего фактора. Однако, основным и определяющим фактором были те реально существовавшие социально-экономические отношения, которые питали эти традиции и являлись тем самым благоприятными условиями, способствующими сохранению выкупа.

Рассмотрим каковы были реальные условия в Армении в конце XIX века.

¹ Նոր-Դար, 1888, № 42:

² Արձազանք, 1893, № 127:

³ Նոր-Դար, 1895, № 87:

⁴ Ազգաիրավուն հանդես, 1906, 13-րդ գիրք, էջ 150:

Освобождение Армении из-под персидского ига и ее присоединение к России произошло в 1828 году.

Этот исторический акт имел крупное политическое значение для дальнейших судеб армянского народа, спас его от физического истребления, от той трагической участи, которая выпала на долю армян, проживающих в Турции.

Освобождение Армении из крайне отсталой системы персидских экономических отношений, находящихся еще на стадии феодального развития, и присоединение ее к России, в экономическом отношении сравнительно более передовой, содействовало развитию капитализма в Армении. Характеризуя роль русского капитала в экономике Кавказа, Ленин писал:

„Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—создавал себе рынок для своих фабрик“.¹

Следует отметить, однако, что этот процесс экономического освоения Кавказа начался значительно позднее его присоединения к России.

„Экономическое «завоевание» его (Кавказа—Э.К.) Россией,—писал Ленин в 1899 году,—совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне“.²

Армения до второй половины XIX века все еще оставалась отсталой аграрной страной с замкнутым натуральным хозяйством. Лишь с 70-ых годов прошлого века сколько-либо заметно капиталистические отношения проникают в города, а затем и в армянскую деревню, разлагая здесь замкнутое натуральное хозяйство. Однако этот процесс развития капитализма и ломка старинной патриархальной замкнутости, распад крепостнического уклада происходил очень медленно и затянулся на долгие десятилетия.

¹ Ленин, Соч., т. III, изд. IV, стр. 521.

² Там же, стр. 520.

Еще в 1918 году товарищ Сталин констатировал, что: „Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом внешним капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям, у берегов морей, и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре“.¹

В условиях, когда еще сильны были остатки патриархальной замкнутости в армянской деревне, когда хозяйство продолжало почти повсеместно носить натуральный характер, крестьянин должен был максимально использовать свои трудовые возможности с тем, чтобы при крайне отсталой технической базе добыть необходимые средства существования. При примитивном способе ведения хозяйства, при господстве примитивных сельскохозяйственных орудий, дедовской сохи и кама, труд человека в армянской деревне имел огромное значение. Армянская деревня находилась еще на той стадии развития, когда физический труд не был еще обесценен машиной. Естественно, что в этих условиях, когда каждая трудовая единица имела большое значение в крестьянской семье, женщина, как почти равная с мужчиной трудовая единица, должна была высоко оцениваться. Армянская женщина занимала в большинстве районов равное с мужчиной место в производстве средств существования. Значение женщины в хозяйстве и возможность максимального использования ее труда определялись характером производства дореволюционной Армении.

Армения, как известно, в XIX веке оставалась все еще аграрной страной. Основными отраслями были животноводство, виноградарство, плодоводство, хлопководство и хлебопашество.

Районизируя дореволюционную Армению по отраслям производства, мы будем иметь следующую картину:

¹ Сталин, Соч., т. IV, стр. 51—52.

Араратская долина, Веды, Октем-берян, Эчмиадзин, Зангибасар, Арташат	Виноградно-хлопководческие районы.
Аштарак, Котайк, Карабахлар	Плодо-виноградарский район с развитым животноводством.
Даралагязский район	Район животноводческий (в основном мелкого рогатого скота) и виноградарства.
Апаран, Алагез, Ширак	Зерно-животноводческий район.
Зангезур (исключая Мегри, который является плодо-виноградарским районом)	Животноводческо-зерновые районы.
Лори (Калининно, Степанаван)	Район животноводческий (крупного рогатого скота).
Алаверды, Ноемберян, Шамшадин.	Зерно-животноводческий.
Севан	Животноводство крупного рогатого скота.

Из приведенной районизации, включая районы, находящиеся под владычеством Турции и Персии, которые были в основном районами земледельческо-скотоводческими, совершенно очевидно, что животноводство являлось важнейшей отраслью хозяйства, как и виноградарство, хлопководство и зерновое хозяйство.

В животноводческих районах основная тяжесть ложилась на женщин. Женщина ухаживала за скотом, доила коров, переработка животноводческого сырья также целиком была делом женщины, как-то: приготовление различных молочных изделий: масла, сыра, мацони; весь процесс работы, связанный с переработкой шерсти, а также приготовление различных шерстяных изделий.

В хлопководческих и плодо-виноградарских районах на долю женщины также выпадала значительная часть работы. В обязанность женщины входили: очистка поля, размельчание земли после пахоты, уход после всхода, полка, рассадка, окучивание и, наконец, сбор. Таким образом, за исключением пахоты, вся тяжесть работы по выращиванию хлопка, затем его переработка, а также изготовление различных хлопковых изделий входили в круг обязанностей женщины.

В виноградарских, зерновых районах женщина также выполняла значительную часть работы.

Кроме работ вне дома женщина выполняла также домашнюю работу: варка обеда, изготовление хлеба, шитье одежды. Если учесть, что армянская патриархальная семья этого периода, так называемый „гердастан“ (*գերդաշտան*), насчитывала значительное количество членов, доходящих иной раз до пятидесяти—шестидесяти человек, можно ясно представить, что этот круг работ был также довольно значителен.

Таким образом, женщина в армянской деревне по своим трудовым функциям не уступала мужчине, а в некоторых местах она более трудилась, чем мужчина.

О трудоспособности армянской женщины свидетельствуют многочисленные сообщения из различных местностей Армении.

Приведем некоторые из них. „Женщина в районах хлопководческих, а также виноградарских загружена тяжелой работой. В районах, где имеется скотоводство и земледелие, труд женщины более тяжелый, все обязанности по уходу за скотом ложатся на женщину: приготовление корма, очистка хлева, в обязанности женщины входит также дойка коров, приготовление масла и сыра, женщина прядет, ткет, изготавливает одежду, ковры, шали и многое другое“.¹

„Женщина в армянской семье кроме домашних работ занимается также земледелием, садоводством, огородничеством. На обязанности женщин лежит приготовление различного рода молочных продуктов. Прядение, вязание и целый ряд других работ—обязанности женщины“.²

„Изделия армянок, как-то: шитье шелком встречается в отдаленных странах, России, Франции, Англии. Особенно славятся рукодельницы Гандзака, Диарбекира, Апарана. Женщина изготавливает шерстяные ткани, холост, сукно, хлопчатобумажные и шелковые рубахи, полотенца, платки. Известны полотенца и простыни, изготавливаемые армянка-

¹ «Մշակ», 1874, № 36—42:

² Նոր-Ղար, 1895, № 173:

ми Ерзнка. Ковры и половики—изделия женщин Севастии, Харберта, Арабкира, Вана, Эрзерума, Муша¹.

„В Ахалкалаке женщины также отличаются трудолюбием: кроме своих домашних работ женщина помогает мужу в полевых работах, косит, жнет и т. д.“²

Корреспондент из Кохпа сообщает: „В то время, как мужчины праздно сидят, курят и перебирают четки, женщина ни одной минуты не отдыхает. В деревне считается большим стыдом для женщины сидеть без дела. В свободное от тяжелых работ время женщина прядет или вяжет носки и т. д.“³

„В Сисиане женщина отличается трудолюбием, здесь она выполняет всю домашнюю работу, прядет, ткет, вяжет, изготавливает молочные продукты, участвует также в земледельческих работах“⁴.

В другом сообщении мы находим данные об изготовлении женщинами глиняной посуды, солонок, карасов (большие глиняные сосуды различной величины для хранения запасов), хноци (большая глиняная посуда для изготовления масла), глиняные тазы и многое другое.⁵

Приведенные материалы красноречиво свидетельствуют о трудолюбии армянской женщины, многообразии ее трудовых обязанностей. Мы видим, что армянская женщина еще в конце XIX века занимала значительное место в трудовом процессе.

Из сказанного следует, что мотив, побудивший возникновение купли жен, приобретение женщины, как трудовой единицы, продолжал существовать в условиях дореволюционной Армении. Женщина в армянской деревне была трудовой единицей, столь необходимой в отсталом крестьянском хозяйстве. Поэтому ясно, что, приобретая женщину, мужчина приобретал новые рабочие руки. Подтверждением нашего предположения о том, что сохране-

¹ Արարատ, 1874, № 223—226;

² Նոր-Ղար, 1875, № 173;

³ Մեղու Հայաստանի, 1873, № 20;

⁴ Նոր-Ղար, 1899, № 29;

⁵ Նույն տեղում, 1891, № 62;

ние выкупа в основном связано с сохранением значения женщины, как трудовой единицы, служат обычаи курдов, живущих на территории Армении. Курды вплоть до установления советской власти находились на стадии замкнутого натурального хозяйства. Основной и главной отраслью хозяйства было скотоводство. В этих условиях, естественно, курдская женщина высоко оценивалась, как работница, что подтверждается тем обстоятельством, что у курдов выкуп имел значительные размеры и существовал до первой четверти XX века.

Другой момент — значение женщины, как продолжательницы рода, в описанных выше условиях также сохраняет свое значение. Рождение, воспитание детей, будущих работников в этих условиях занимает весьма серьезное место в крестьянской семье. Поэтому другой момент приобретения женщины, как продолжательницы рода, продолжает сохранять свое значение.

Именно поэтому, несмотря на кодекс Юстиниана, запрещающего куплю жен, а также законодательство Мхитара Гоша,¹ фиксирующего якобы отсутствие порядка купли жен у армян и ряд законодательств местных церквей, обычай выкупа продолжает сохраняться в Армении в XIX веке.

Критикуя Прудона, для которого, как он говорил, нет ничего легче, как издать любой декрет, если имеешь в своих руках власть, Энгельс писал:

„Но если все прочие общественные условия остаются прежними, то этот прудоновский декрет будет существовать только на бумаге“.²

Вот почему законодательства, запрещающие куплю жен не возымели значения для искоренения обычая купли.

¹ Յաղապս դատաստանաց առնակնոջ մահուան եւ անդրէն դառնալոյ բաժին նորա, որ կոչի պռոյգը...

121... Այլապէս լինի առ մահմետականն զուգուցն ամուսնութեան. զի հառանհն նախ գին անձին կնոջն, որ կոչի մահր 634. նոյն եւ այս առ հռոմ-մայեցիսն տուայր կոչի 635. ապա սահմանեն եւ զբաժին կնոջն ի հայրենի իրաց, որ կոչի պռոյգը: Եւ ի տիրել առն ամուսնութեամբ անձին կնոջն՝ յայնմհետէ մահրն անդառնալի կնոջն նմայ 636 (Միքիթար Գոռ, Դատաստանագիրք Հայոց, 1880, Վաղարշապատ):

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 21,

Покупная цена невесты в Армении имела различные названия. Наиболее принятым является турецкое слово башлг (բաշլղ), которое чаще всего употребляется в Ахалкалаке, в Борчалинском районе, в Вайоц-дзоре, Шираке, в Буланхе, затем татарское слово „галан“ (ղալան), его искаженные формы „гала“, „галам“ (ղալա, ղալան), „халан“ (խալան)—наиболее распространены в Багеше, в Ване, в Муше, редко встречается „надемаси“ (նադեմասի). Употребляется также термин „нарсин“ (նարսին) и „глагин“ (գլալին), оба слова армянского происхождения, первое в буквальном переводе означает цена за невесту, второе—цена за голову.

Из данных Азгагракан Андеса, а также армянской периодической печати и некоторых материалов, собранных нами, можно заключить, что в Армении за невесту уплачивалась сумма в размере от тридцати до ста пятидесяти, иногда двухсот рублей, реже сумма доходила до трехсот, четырехсот рублей, в зависимости от состоятельности жениха и невесты.

Так, в Муше в качестве выкупа выплачивается сумма в пределах от 30—150 руб.¹ в Шираке от 100—200 руб.,² в Шамахе от 100—150 руб.³, в Вайоц-дзоре от 30—150 руб.⁴, в Гандзаке от 15—100 руб.⁵, в Борчалу—100⁶ руб., в Ахалкалаке—100⁷ руб., в Васпуракане от 30 до 150 руб.⁸

Кроме упомянутой суммы род жениха делал роду невесты подношения в виде продуктов и других предметов, а также подарки невесте и ее близким родственникам. Подарки и подношения носили обязательный характер. Род жениха делал различного рода подарки матери невесты, отцу, брату. Матери обычно дарили отрез на платье, головной платок, стоимость которых составляла примерно 15—20 руб.,

¹ Արձաղանք, 1894, № 48:

² Նոր-Պար, 1895, № 213:

³ Արձաղանք, 1898, № 121:

⁴ Ազգագրական Հանդես, 1902, 9-րդ գիրք, էջ 224:

⁵ Նույն տեղում, 1900, 9-րդ գիրք, էջ 250:

⁶ Նոր-Պար, 1890, № 207, էջ 150:

⁷ Նույն տեղում, 1900, № 6:

⁸ Ազգագրական Հանդես, 1910, 20-րդ գիրք, էջ 148:

иногда вместо подарка выплачивали его стоимость, так, например, в Сисиане (Зангезур) матери невесты вместо подарка давали от 10 до 15 руб.,¹ в Борчалу (Лори) от 10—15 руб.²

Подарок матери в различных районах Армении выражается различными терминами. Наиболее распространенным является (*ծծաղի*)—цена за грудь и „катнагин“ (*կաթնաղի*)—цена за молоко, употребляется также „зоканчи ктор“ (*զոքանչի կտոր*)—доля тещи, „сут хахегин“ (*սուտ հախիղի*). Два первых названия образно передают значение подарка, в представлении народа матери выплачивалась сумма за молоко, мать невесты вознаграждалась за выращивание и выкармливание дочери.

Брат невесты также получал подарок, подарок этот почти во всех районах одинаковый. Брату обычно дарили материал на чуху, феску, сапоги. В Карабахе в подарках роду невесты предусматривалась также сумма примерно около 3 руб. для брата невесты.

Подарки матери и брату, а иногда дяде девушки являются остатком матриархата, когда в силу существовавших в этот период отношений девушка была тесно связана со своим материнским родом и когда брат и дядя, как ближайшие ее родственники и представители, имели определенные права на девушку, в то время, как роль эпизодического отца была незначительна.

В период патриархата, с утверждением прав отца на детей, хотя ближайшие родственники и не играли прежней роли, но тем не менее еще сохранялись остатки их прежних прав, в силу традиций они продолжали сохранять свое значение. Роду жениха приходилось считаться с мнением матери и брата невесты, для того, чтобы задобрить их, делались специальные подношения.

Кроме этих подарков род жениха должен был делать подарки другим родственникам невесты, а также внести продукты. Обычно в дом невесты посылали различные продукты: овцу или несколько килограмм мяса по ве-

¹ Ազգադրամական հանդես, 1898, Գ զիբբ, էջ 214; նոր-Գար, № 3;

² Ազգադրամական հանդես, 1902, 9-րդ զիբբ, էջ 224;

су, равному овце, иногда даже корову, рис, масло, хлеб, сахар, чай и др.

В Гохтне дом жениха должен был дать дому невесты два пуда мяса или овцу, десять фунтов масла, 1—2 головки сахару, пуд рису, 5 фунтов хлеба, вина и водки¹. В Гандзаке посылали: полбыка или овцу, 10—20 фунтов сыру, 5—8 кувшинов вина, 1—2 кувшина водки.²

В Сисиане часть быка, 10—20 фунтов сахару, фунт чаю, около 70 литров водки и 100 литров вина.³

В Борчалинском районе посылали: овцу, 120—200 литров вина, водки и рису.⁴

В Шамахе—одного барана, 50—100 литров вина, 20—30 литров водки и др.⁵

Если эти продукты перевести на деньги, получим сумму, которая примерно составляет одну и ту же сумму во всех районах.

В Гандзаке:

Вино	78—100 руб.
Водка	40 руб.
Бык	15— 25 руб.
Овца	2— 3 руб.
Сыр	12— 13 руб.
Одежда невесты	20— 45 руб.
Священнику	3— 3 руб.
Церкви	1— 1 руб.
Мелкие расходы	10— 25 руб.

171—330 руб.

В Карабахе:

Вино и водка	15— 40 руб.
Овцу или быка	3— 15 руб.
Одежда невесты	30— 50 руб.
Деньги на украшение для невесты	8— 72 руб.
Священнику	3— 5 руб.
Церкви	1— 2 руб.
Рис, сахар, чай, муз.	5— 10 руб.
Мелкие расходы	15— 20 руб.

90—224 руб.

В Ахалкалаке:

Бык	25 руб.
Овца	2 руб.
Водка	20 руб.
Рис, лоби, чай	12 руб.
Церкви	1 руб.
Престол	6 руб.
Различные расходы	20 руб.

86 руб.

В Сисиане:

Бык	40— 45 руб.
Вино, водка	50—110 руб.
Сыр	4— 6 руб.
Сахар, чай	5— 7 руб.
Хлеб	10— 15 руб.
Одежда невесты	30— 70 руб.
Церкви	1— 1 руб.
Священнику	2— 3 руб.
Мелкие расходы	10— 15 руб.

102—262 руб.

¹ Աղագրական ձանդես, 1904, 12-րդ գիրք, էջ 123:

² Նույն տեղում, 1900, 2 գիրք, էջ 250:

³ Նույն տեղում, 1898, 7 գիրք, էջ 214:

⁴ Նույն տեղում, 1902, 9-րդ գիրք, էջ 224:

⁵ Արձագանք, 1893, № 1:

Итак взнос жениховым родом роду невесты составлял от 30 до 200 рублей деньгами, подарками близким родственникам и подношениями в виде продуктов различного рода.

Мы полагаем, что подарки и подношения продуктами, которые носили обязательный характер, предшествовали денежному взносу. Изначально, когда еще не было развитых денежных отношений, в период господства натурального хозяйства роду невесты вносились предметы, которые являлись меновыми ценностями.

Известно, что у скотоводческих народов скот представлял собой денежную единицу, к которой приравнивались остальные предметы. То же относится к Армении, как к стране развитого скотоводства. Род жениха, очевидно, в период появления патриархата, в хозяйственном отношении совпадающего с развитым скотоводством, в обмен на девушку давал скот. Пережитком этого периода являлась обязанность дома жениха дать роду невесты барана или быка, а иногда корову.

Позже, когда появляются развитые денежные отношения, невеста приобретает родом жениха взносом определенной денежной суммы, и со временем этот характер взноса становится основным, взнос же продуктами сохраняется лишь в качестве пережитка. Интересно, что в некоторых районах Армении до конца XIX века подсчитывали стоимость продуктов и вместо продуктов род невесты получал их стоимость.

Покупная цена невесты, как мы говорили выше, в основном колебалась от 30—200 рублей. Такая разница в размерах объясняется тем имущественным расслоением, которое существовало уже в армянской деревне. Юноша из бедной семьи, беря в жены девушку, обычно выплачивал за нее от 30 до 50 рублей, иногда сумма эта выражалась лишь в 15—20 рублях. Более богатые были в состоянии выплачивать 100—200, а иногда 300—400 рублей. Правда, случалось нередко, когда красивую девушку брал юноша из более богатой семьи, в таком случае он выплачивал покупную цену, не исходя из состояния девушки, а соразмерно своему богатству.

Как мы видим из приведенных материалов, роду жениха приходилось нести довольно значительные расходы. Эти расходы были часто настолько велики, что вели к разорению армянского крестьянина.

Корреспонденты с мест сообщают о том, что крестьянин, женив своего сына, влезает в долги, и в результате часты случаи разорения крестьян. И несмотря на это, в армянской деревне продолжали соблюдать обычай покупного брака.

В Ахалкалаке в 1902 году в июле месяце священник Эчян собрал совет, на котором были разработаны каноны заключения брачного союза. Канон был издан в том же году и состоял из 21 пункта, запрещал выкуп. Жених мог сделать невесте лишь подарок в виде золотого в пределах 48 руб. и подвенечное платье. Еще раньше, в 1843 году были разработаны каноны в Ахалцыхе, которые значительно ограничивали денежный взнос и подарки, делаемые во время свадьбы.

Но несмотря на эти постановления, обычай выкупа продолжал существовать в этих районах. В этом отношении не безынтересен обряд, происходящий в доме невесты в Ахалкалакском районе. Перед благословением молодых священник обращался к присутствующим с вопросом не предшествовала ли этому обручению договоренность о выкупе. Обе стороны, заранее договорившись, давали отрицательный ответ, между тем, как уже решен размер выкупа, который должен был дать отец жениха.

Обычай оказался сильнее закона. Закон, как мы видим из приведенного факта, обходился народом, и выкуп продолжал существовать.

Не только девушки, но и вдовы являлись предметом продажи. Братья мужа и свекор часто насильно заставляли молодую вдову выйти замуж за выбранного ими мужчину, исходя из соображений чисто материальной выгоды. Обычно, выдавая замуж женщину, родственники мужа старались заполучить ту сумму, которую они в свое время вносили за нее. И только в том случае, если будет получен надлежащий выкуп, женщина вправе была унести с собой свою лич-

ную собственность, в противном случае женщина лишалась всего своего добра. В Ахалкалаке еще в 1901 году свекор и зять продали невестку за 250 рублей; то же мы встречаем в Абаране, где после смерти мужа женщина становилась предметом продажи, свекор старался как можно больше выкупа получить за нее.

Из всего сказанного становится ясным, что в Армении заключение брака посредством выкупа продолжало существовать в качестве обычного права до конца XIX века.

Выплате покупной цены предшествовал акт, на котором стороны выясняли размер суммы и подарков, которые должен был внести род жениха.

Акт этот по своей форме носил характер откровенной торговой сделки. С обеих сторон выбирались представители—посредники, которые в присутствии близких родственников жениха и невесты вели переговоры о сумме выкупа и количестве подарков. Как правило, сторона невесты запрашивала сумму больше той, которую она намеревалась получить с тем, чтобы в результате торга получить желаемый выкуп. Стороны приходили к взаимному согласию лишь в результате продолжительного торга, который иногда длился несколько дней.

Акт, во время которого решалась покупная цена в различных районах, называется: „галан ктрел“ (*գալան կտրել*), „баргя ктрел“ (*բարգյա կտրել*), „hžэ ктрел“ (*հջէ կտրել*), „ктрвацк“ (*կտրվածք*). „Халан“, „баргя“ означает, как мы уже объясняли выше—выкуп, глагол „ктрел“ означает, наряду с другими значениями—установить, решить, определить. „Ктрвацк“—существительное, которое означает условие.

Таким образом, халам ктрел, баргя ктрек переводится—установить, решить, определить (все три значения применимы)—выкуп.

Существует также термин „тур ев ар“ (*տուր էւ ար*)—дать и взять, означает торговаться. Встречается также адемаси—согласие, решение. Вся терминология, таким образом, отражает значение обряда, как акта, на котором стороны договариваются о покупной цене.

Приведем описание этого акта по различным районам Армении. В Гандзаке за несколько дней до венчания отец жениха с близкими родственниками и со священником отправлялся в дом невесты, после ужина с обеих сторон выбирались по одному человеку хнамахос (*խնախոս*), которые выполняли роль посредников. Священник протягивал им по рюмке вина. Посредники должны были быть свидетелями торга, а затем следить в будущем за выполнением обещания. После долгих споров с согласия присутствующих посредники решали день свадьбы, размер выкупа и подарков.¹

В Вайоц-дзоре акт этот заключался в следующем: „за 8—10 дней до свадьбы отец жениха с близкими родственниками и знакомыми отправляется в дом невесты, взяв с собою 5—10 бутылок вина. В доме невесты, где также собрались ее близкие родственники, распивают вино, принесенное из дома жениха, и угощаются обедом из невестинного дома. После чего священник предлагает выбрать несколько посредников „векилнер“ (*վեկլներ*), которые после длительного и упорного торга решают наконец, что должен дать отец жениха отцу невесты“.²

В Джавахке, „когда сваты „патгамаворнер“ (*պտղամաւորներ*) получают положительный ответ от родителей невесты, они идут к отцу жениха и совещаются о том, какой выкуп нужно отдать отцу невесты. Отец жениха приглашает к себе своих близких родственников, ожидает гостей. Делегаты просят отца невесты решить, что должен он взять за свою дочь от отца жениха, на это отец девушки отвечает: „Дочь не моя, а брата Керопа (имя дяди по матери), пусть он и скажет“. Дядя же девушки, заранее узнав намерение отца, запрашивает несколько большую сумму.

— „Дочь моя и слово мое,—говорит дядя,—возьму с вас 110 руб. денег... „и затем перечисляет подарки матери, брату, отцу и другим родственникам“.³

¹ Աղղաղրաւի ձանդեմ, 1900, 2 դիրք, էջ 250:

² Նույն տեղում, 1906, 13-րդ դիրք, էջ 149:

³ Նույն տեղում, 1896, Ա դիրք, էջ 240:

В Сисиане „за несколько дней до свадьбы из дому жениха дают знать родителям невесты о дне, когда родственники жениха придут к ним решать сумму выкупа. В намеченный день родственники жениха, взяв с собой несколько литров вина и водки, идут в дом невесты. После ужина обе стороны выбирают по одному доверенному лицу „векил“ (*վեկիլ*). Выбранные решают о количестве взноса жениховой родне. Случается, что доверенные в некоторых пунктах не могут прийти к соглашению, тогда приглашенные родственники вмешиваются в спор. Торг длится до тех пор, пока одна из сторон не уступит“.¹

В Борчалу (Люри) „отец жениха в сопровождении священника с близкими родственниками, взяв с собой 7 „бохча“ (*բոխչա*)—узел с различными подарками—отправляется в дом невесты, где после ужина в результате долгих споров решается сумма выкупа“.²

Акт этот встречался также в других районах Армении: Гохтне, Муше, Васпуракане.³

Как мы видим, приведенный акт носит характер откровенной торговой сделки. Переговоры носят длительный характер, и ни одна сторона не хочет уступать. Присутствующие даже не пытаются скрывать подлинные намерения: сторона невесты хочет получить как можно больше, женихова сторона всеми средствами пытается сократить размер выкупа. То обстоятельство, что молодые не присутствуют при этом акте, свидетельствует о том, что они являются лишь объектом торга и спор идет между их хозяевами, как заинтересованными сторонами. Анализируя этот акт, мы находим моменты, свидетельствующие также о древности его происхождения, так, например, выборы полномочных представителей с обеих сторон, обычно из старшего поколения или уважаемых лиц, являются остатком тех времен, когда не было еще частной собственности и когда старшина рода выступал как полномочный представитель всего рода. О правильности этого предположения

¹ Աղդաշգրախի նահանգ, 1898, 7 գիրք, էջ 236:

² Նույն տեղում, 1902, 9-րդ գիրք, 223:

³ Նույն տեղում, 1904, 12-րդ գիրք, էջ 134:

говорит и то, что при решении покупной цены присутствую³т и участвуют в споре сородичи жениха и невесты, как имеющие право на родовую собственность. Выкуп передавался в руки отца девушки, иначе и не могло быть. Купля жеп в Армении продолжала существовать в районах, где сохранился еще патриархальный строй, где господствовало натуральное хозяйство. Армянская патриархальная семья по своей сущности представляла семейную общину, которая носила во многом все еще черты общины. В силу этого глава семьи „танутер“, „нагапет“, „тан мец“ (*տանուտեր, նախագետ, տան մեծ*) являлся полномочным представителем всей семьи. Имея неограниченные права над членами всей семьи, он распространял права естественно на дочь и на сумму, полученную за нее.

Таковы в основном факты из реальной жизни, свидетельствующие о существовании выкупа у армян еще в XIX веке.

Народное творчество, песни, поговорки, пословицы отражают также существовавшие реальные отношения.

В мировоззрении армянского крестьянина глубоко вкоренилось мнение, что девушка—товар для продажи, „такую дочь имею, почему бы не взять за нее 200 рублей“—заявлял отец девушки. Тот же подход к женщине отражают армянские пословицы: „девушка—товар для продажи“—*սղ-լիկը ծախու արքանք է*: В Буланхе, когда шли переговоры между сватами и отцом девушки, последний свое согласие выражал словами: „не будем спорить, платок наброшу на вашу руку“¹—*Թաղիկնակ մ'է՛ կձգեմ ձեր ձեռքը*.

В Ленинакане (Александрополе) отец девушки заявлял: „платок пусть будет вам“.² *մի արկունի է՛ դարձան էլիկը ձեզի*: Эта формула означает, что не стоит спорить, а что девушка—товар, которую с легкостью отец отдает.

Обращение к женщине, как к предмету торговли, характерно отражено в разговоре матери юноши к похищенной им девушке: „ты с этих пор стала фальшивой

¹ Գր. Տեր-Աղեքսանյան, Թիֆլիզցոյ մտաւոր կանքը, Թիֆ. 1885, էջ 563:

² Նոր-Ղար, 1900, № 77:

деньгой, так как до тебя дотронулась рука чужого мужчины, куда бы ты не пошла, тебе никто не даст цены".¹

Ряд народных песен также отражает порядок существования купли жен. Еще в колыбели была предусмотрена судьба девушки. Вот какими словами воспевают мать свою малолетнюю дочь:

Աղջիկ ունեմ հունարի,
Ձեմ տա հազար թումանի,
Գլխին ինչքան մազ ունի,
Էնքան իլթիմազ ունի:

„Имею дочь умелую,
Не дам ее за тысячу туманов,
Сколько на голове у нее волос,
Столько она достойна похвалы".²

То же отношение отражено в песне-диалоге между юношей и девушкой:

Կարճիք աղուխով աղջիկ,
Քու խորն ասա՝ քե տա ձիկ:
— Իմ խեբն ինձ թանգ ա պախեր,
Դայմա մարդու չի ծախեր:

„Девушка с красным платком,
Скажи отцу, пусть выдаст тебя за меня.
— Отцу моему я дорого обошлась,
Он меня не всякому продаст".³

Другой вариант этой песни:

Ձան մարալ ջան, ջան Սոնե ջան,
Դեղին գոգնոցով աղջիկ,
... Քո խորն ասա՝ քե տա ձիկ:
— Ծո տղա, տղա խեցալով,
Իմ խեբ քե աղջիկ չի տա,
Իմ խեբ զի թանգ ի պախեր:

¹ Նոր-Դար, 1894, № 213—214:

² Ազգադրական Հանդես, 1904, 11-րդ գիրք, էջ 41:

³ Հորիզոն, 1914, № 235:

Джан марал джан, джан Соне джан,
 Девушка с желтым фартуком,
 Скажи отцу, пусть даст тебя мне.
 Эй, юноша, юноша-мечтатель,
 Мой отец тебе дочь не даст.
 Моему отцу я дорого обошлась.¹

В Абаране очень распространенной являлся песня следующего содержания:

Առաւորը բարի լուսուն
 Դո՛ւ զաւանը հարյուր հիսուն,
 Համբի, դրի վրը քուրսուն,
 Լուսիկ լուսիկ մամ կրգա, սրաւ չի տա:

С добрым утром,
 Твой калым сто пятьдесят,
 Сосчитали, положили на курси,
 Молчите, молчите, бабушка отдает, дед не дает.²

В Джавахке, когда невесту наряжают в подвенечное платье, подружки поют песню следующего содержания:

Զհերիկ խարեցին կուռն մե գինով
 Զմերիկ խարեցին Թոփիկ մի շիւով,
 Զախպեր խարեցին ջուխտակ մի ջղմով,
 Զքուրիկ խարեցին մատիկ մի հինով,
 Զդրամի հանգուց արձկեցին,
 Զաղջիկ մամուց ջոկեցին:

Отца обманули чаркой вина,
 Мать обманули одним тюком бязи,
 Брата обманули парой сапог,
 Сестру обманули щепоткой хны.
 Развязали узел с деньгами
 И дочь с матерью разлучили.³

¹ Ազգադրական Հանդես, 1910, 19-րդ դիմի, էջ 105:

² Նոր-Պար, 1899, № 5:

³ Ազգադրական Հանդես, 1904, XII դիմի, էջ 73:

Песня правдиво отражает существовавшие в действительности отношения: взносом различного рода подарков и выкупом решалась судьба девушки.

Из всего сказанного совершенно очевидно, что до XIX века выкуп в Армении сохранился в качестве действующей правовой нормы и что существование его было оправдано реальными социально-экономическими отношениями.

Глава третья

ПЕРЕЖИТКИ ВЫКУПА

В армянской свадьбе когда-то существовавший порядок купли и продажи жен сохранялся с одной стороны как действующее обычное право, с другой—в качестве пережитка. Выкуп, как действующая правовая норма, нами был рассмотрен в предыдущей главе.

В настоящей главе мы постараемся проанализировать обряды, которые, как нам кажется, являются пережитком когда-то действующих актов в процессе купли и продажи жен. Обряды эти давно оторвались от материальной базы, вызвавшей их появление, не соответствуют уже реальным отношениям, а имеют самостоятельный характер и существуют лишь в силу устойчивости традиции. Купля жен, как мы говорили выше, заключается в том, что род жениха вносит определенное вознаграждение-выкуп роду невесты, эквивалентное тому ущербу, который наносится роду невесты переходом ее в род мужа.

Прежде остановимся несколько на одном моменте, который, по нашему мнению, является следствием покупного брака—это обычай, который заключается в том, что при заключении брачного союза, родители молодых решали вопрос совершенно самостоятельно, не считаясь с желанием брачующихся.

Обычай заключения брака без ведома брачующихся, по воле родителей, мы встречаем повсеместно в Армении: в Зангезуре, Ахалкалаке, Ахалцихе, Карабахе, Дживаншире, Муше, Буланхе, Васпуракане и др.¹

¹ Աղգաղըրաղան չանդես, 1906, 13-րդ դիմ, էջ 143;
Աղգաղըրաղան չանդես, 1904, 12-րդ դիմ, էջ 119;
Նույն տեղում, 1902, 9-րդ դիմ, էջ 214:

Желание брачующихся совершенно не учитывалось в Дживаншире. „Здесь родители молодых самостоятельно решают этот вопрос и предопределяют их судьбу“.¹

В Карабахе „родители девушки сами выбирают жениха. В первую очередь они думают о той сумме, которую должен заплатить жених, и по этому принципу делают выбор“.²

„Желанию молодых при заключении брачного союза не придавалось никакого значения и в Вайоц-дзоре. Проявление интереса к этому вопросу со стороны брачующихся считалось большим позором. Их родители делали выбор и самостоятельно решали судьбу молодых“.³

Обычай этот существовал в Армении еще накануне Октябрьской революции. Так, например, из описаний, относящихся к 1916 году, мы читаем: „в старину в Муше выбор невесты делали родители и даже бывали случаи, когда до венчания жених и невеста не видели друг друга. Однако, сейчас не столько девушка, сколько юноша дает знать о своем желании, но не сам лично, а через какого-либо родственника“.⁴

Мы видим, что жених имел право голоса, однако, судя по цитате, это право тоже очень сомнительно, так как жених сам не решался говорить родителям о своем желании, а передавал лишь через посредников.

Упоминаются случаи, когда жених видел свою будущую жену только в брачную ночь. Больше того, часто случалось, что родители молодых обручали сына в его отсутствие из деревни. По совершению факта юношу ставили в известность, и он покорно подчинялся воле родителей.

„Кавказ“ 1885 г., стр. 4—5.

„ 1875 г., стр. 138.

„ 1895 г., стр. 125.

Научные записки Зак. Ком. Ун. им. 26, т. 1, вып. 6, 1931 г.

Նոր-Ղար, 1880, № 225:

¹ Նույն տեղում, 1890, № 207:

² Նույն տեղում, 1889, № 9:

³ Աղաղրակի շահիդի, 1906, 13-րդ գիրք, էջ 143:

⁴ Մեղու շաշուտի, 1873, № 7:

Такие факты встречались еще в начале двадцатого века в Сисиане, Карабахе, в Гандзаке и других районах.

Так, в Гандзаке: „и до сих пор (1900 г.) редко случаи, чтобы брачующихся спрашивали их согласия, или же придавали особое значение их мнению. Бывает также, что родители в отсутствие сына обручают его. Долг хорошего сына покориться решению родителей“¹.

В Карабахе случалось, что во время обручения жених отсутствовал из деревни, и родители, не спрашивая его, обручали с выбранной ими девушкой. „Иногда в то время, когда жених отсутствует, берут его шапку и совершают обряд обручения. Излишне говорить, что священник, не придавая особого значения взаимному согласию брачующихся, даже не спрашивает у молодых их согласия“.²

Подобный факт мы встречаем в Сисиане: окончательное решение в выборе невесты зависело от матери жениха, встречались случаи, когда юношу обручали в его отсутствие, не поставив его в известность. Когда юноша возвращался, ему оставалось только в благодарность поцеловать руку матери.

В Гохтне „зоки также не придавали особого значения согласию молодых. Часто находящийся на чужбине юноша получал известие из дому, что родители уже обручили его. Считалось большим стыдом для девушки интересоваться, кто ее будущий муж. Когда заходил разговор о нем, девушка сейчас же удалялась“.³

Одна из песенок отражает также этот порядок заключения брачного союза. В песне девушка обращается к юноше и говорит, что отец не отдает ее юноше, и пусть он подумает о себе:

Տո տղա, տղա, գալիդ դեռ,
Պաղ աղբյուրի սարը տես,
Իմ խեղճի աղջիկ չի տա,
Դնա գլխիդ ճարը տես:

¹ Աղգաղրական Հանդես, 1900, 2 դիրք, էջ 245:

² Նույն տեղում, 1897, Բ դիրք, էջ 123:

³ Նույն տեղում, 1904, 12-րդ դիրք, էջ 119:

Эй, юноша, иди сюда,
Испытай холод прохладного источника.
Мой отец тебе дочь не отдаст,
Ты сам подумай о себе.¹

Порядок заключения брака без ведома и желания брачующихся был, очевидно, настолько распространен в Армении и настолько глубоко вошел в жизнь народа, что он стал предметом обсуждения на церковных соборах. Уже законодательство Саака Партева, относящееся к VI веку нашей эры, запрещало заключение браков без согласия на это молодых. Один из параграфов кодекса дает строгий наказ священнику не освящать брак без спроса у молодых их согласия. В противном случае священник несет наказание, наказанию должны быть подвергнуты и родители молодых.²

Но несмотря на всю строгость этого закона, порядок этот не был искоренен, поэтому в более поздних законодательствах есть упоминание об этом обычае.

Так, брак без ведома молодых запрещает также Кодекс Законов Мхитара Гоша³. И тем не менее в Армении порядок этот продолжал существовать до начала XX века, о чем, нам кажется, достаточно убедительно говорят приведенные выше факты.

¹ Արձագանք, 1894, № 48:

² Սահակայ, կարգ քահանայից առ ժողովրդականն և նոցին ժողովրդականաց հնազանդութիւն և կարգ ուղղութեան առ քահանայս.

ԻԶ. Պատուէր արարէք նոցա (ժողովրդականաց), զի տղայոց մի խօսեացին և մի կատարելոցն առանց զիրեարս տեսանելոյ, միմիեանց հաճութեամբ. և դուք քահանայք, տղայոց ամենեկին իսկ պսակ մի օրհնէք, մինչև ի կատարուն հասակի. իսկ կատարելոց, որոնց զմիմանս ոչ իցէ տեսեալ ի հաճոյս իւրեանց, պսակ մի իշխեսջիք դնել՝ առանց քննութեան և ջնոսին ինքեանս հարցանելոյ. գուցէ բռնադատութեամբ ծնողաց յակամայ հալանեալ իցեն. և զայնպիսի հարսանիս մի իշխէք յանձն առնուլ, զի մինչև ցայսօր յայդպիսի անկարգութենէ բազում վնասք գնացին յաշխարհիս՝ հոգեոր և մարմնաւոր ինչ. Ապա թէ լսեմ, եթե ոք ի քահանայից արտաքոյ մերոյ հրամանի յայնպիսեաց պսակ օրհնեսցէ, գիտացցէ, զի քահանայն պատուհաս կրեսցէ, ըստ օրինակի քնասակարաց, և ծնողքն ոչ անպարտ լինին ի պատուհասէն:

Կանոնգիրք Հայոց, Թիֆլիս, 1913 թ., էջ 25—26:

³ Մի ի թար Գոշ, Դատաստանագիրք Հայոց, Վաղարշապատ, 1880, էջ 105—106, պր. Ժ:

Обычай этот, очевидно, появился во времена существования парного брака, когда определенная группа мужчин одного рода являлись потенциальным супругами группы женщин другого рода. Естественно, что при таких отношениях момент выбора вообще отпадает. Но со временем, когда брак принимает индивидуальный характер, появляется моногамная семья, появляется и момент выбора. Порядок заключения брака помимо воли молодых, являясь по форме пережитком упомянутых архаичных отношений, продолжает существовать уже на новой основе.

При патриархальном роде судьбу молодых решает весь род. Не взаимные симпатии и любовь, а чисто материальные соображения стимулируют заключение брака. Брак—это, прежде всего, имущественная сделка, в силу которой род жениха, беря девушку, приобретал новую рабочую силу, род же невесты, уступая ее, был заинтересован в том, чтобы возможно выгоднее возместить ее утрату. Как юноша, так и девушка, не имея отдельного хозяйства, являясь лишь членами рода, вынуждены были подчиняться тому, что диктуется выгодами всего рода. Понятно, что при таких отношениях судьбу брачующихся решали родители.

Этим, нам кажется, нужно объяснить упорно существующий порядок заключения брака без учета желания брачующихся.

В Армении по многочисленным описательным материалам и по некоторым материалам, собранным нами, окончательному заключению брачного союза и переселению молодой в дом мужа предшествует предварительный сговор-обручение.

Появление сговора нужно отнести к тем отдаленным временам, когда матриархат сменяется патриархатом, появляется моногамная семья, вызвавшая переход от матрилокального брачного поселения к патрилокальному.

Переход от матрилокального поселения к патрилокальному совершался не сразу по появлению моногамной семьи, которая в свою очередь долго сохраняла пережитки предшествующих брачных отношений, а являлся сложным и длительным процессом.

Вот что пишет по этому поводу проф. М. О. Косвен, посвятивший много работ изучению этого периода.

„Переход от матрилокального к патрилокальному поселению связан с имеющим общее с этим переходом основание. Однако, далеко не отождествляющимся и не обязательно совпадающим переходом от парного брака к моногамии. На данной стадии брак сплошь и рядом остается еще — и при патрилокальном поселении — весьма непрочным и легко расторгимым, т. е. сохраняет парный характер“.¹

Окончательному и прочному патрилокальному поселению молодой предшествовал период, когда в силу традиции она была еще тесно связана со своим материнским родом. В этот период появляется промежуточный вид поселения, это так называемое дислокальное поселение. При дислокальном поселении молодая, уже по заключению брачного союза, некоторое время остается в доме своих родных и лишь по истечении определенного срока переселяется в дом мужа.

Остатком матрилокального поселения является существующий в Армении и до сих пор обычай возвращения — „дарц“ (*դարձ*).

Обычай „дарца“ заключается в том, что некоторое время после замужества женщина возвращается в дом отца и остается здесь, примерно, месяц. Весь этот период муж является к жене в качестве гостя.

Обычай после венчания итти не в дом жениха, а в дом невесты также являлся отголоском времени, когда мужчины поселялся в доме жены. Следующее двуступище отражает обычай „дарца“: *Անձրե կուգի լուշ լուշ, հարսեր կերթան, փեսան կուշ*. „Дождь льет струей, невеста уходит, жених плачет“².

Остатком дислокального поселения является порядок, сохранившийся в Армении и до последнего времени. Порядок этот заключается в том, что, как правило, после об-

¹ Советская Этнография, 1948 г.

² *Աղագրիկի հանդես*, 1910, 20-րդ թիվը, էջ 162:

ручения невеста остается в доме отца от двух-трех месяцев до года, а иногда и до двух-трех лет.

Срок пребывания невесты в доме отца со дня обручения до свадьбы в Вайоц-дзоре от шести месяцев до двух лет; в Борчалу промежуток этот длился от пяти месяцев до трех лет, в Муше—от двух месяцев до двух лет, в Васпуракане—от двух месяцев до года.

„В Джавахке жених и невеста остаются обрученными от трех—шести месяцев до года. За этот продолжительный промежуток времени жених опасается даже проходить около дома девушки. Это считается большим стыдом, и лишь в масляницу жениху разрешают остаться в доме невесты на три дня и три ночи“.¹

Очень редко от обручения до свадьбы протекал срок около семи лет.

Обычай этот отразился также в Джангюлумах. Девушка обращается к юноше со словами:

*Տո տղա ջան, ալ տղա,
Աչքերդ չալ-չալ տղա,
Էդ մուտանան բեր մեր տուն,
Ինձ դժախջախ տար ձեր տուն:*

Красивый юноша, джан, красивый юноша,
Со светлыми глазами юноша,
Принеси это кольцо сейчас к нам домой,
В будущем году возьми меня к себе домой.²

Такой характер брачных отношений создал необходимость в акте, который до окончательного завершения брака узаконивал бы права рода жениха на избранную им девушку.

Позже, при появлении брака-купли сговор претерпевает влияние этих новых отношений. Он становится актом, тесно связанным с выплатой покупной цены. Естественно, что в условиях покупного брака основанием для скрепления

¹ Աղաղաղալիան Հանդես, 1896, Ա դիրք, էջ 209:

² Նոր-Պար, 1889, № 20:

брачного союза являлось материальная заинтересованность рода невесты. При покупном браке необходима была гарантия окончательной выплаты стоимости невесты. Такой гарантией могли быть различные ценные подношения роду невесты, которые являлись как бы процентом покупной цены, которую выплачивали уже при переходе невесты в род мужа.

Со времени, когда отмирает реальная основа, породившая сговор, а затем и условия, превратившие ее в один из актов торговой сделки, обручение превращается в обрядность, сохраняется уже лишь в качестве пережитка.

Прежде чем перейти к анализу обряда обручения с точки зрения нас интересующей, т. е. как обряда, сохранившего в себе моменты покупного брака, приведем несколько вариантов обрядов, столь разнообразных в Армении.

В Вайоц-дзоре (Шарур-Даралагяз) обряд обручения состоял в следующем: когда родители невесты выражают, наконец, свое согласие, сваты (дядя по отцу, по матери или другие близкие родственники) вытаскивают спрятанное в кармане вино, и все присутствующие, поздравляя, пьют по бокалу, после чего расходятся. Вечером того же дня сваты вместе с мужчинами и женщинами старшего поколения возвращаются в дом невесты, взяв с собою несколько бутылок вина и немного сушеных фруктов. Отец невесты в ожидании гостей также приглашает своих близких родственников. Старший по возрасту со стороны жениха обращается к старшему родственнику невесты и просит ее руки. Когда последний дает свое согласие, отвечая следующими словами: „возьми, увидь добро“ (*տառ, խորը տես*), сейчас же начинает распивать принесенное сватами вино. Старший родственник жениха передает кольцо и головной платок старшему родственнику невесты, который, выпив стакан, водки, передает эти предметы матери невесты. Девушка при всей этой процедуре не присутствует. Часто она в этот день уходит к какому-либо из близких родственников, юноша также отсутствует¹.

¹ Աղաաղաղաղա չանդես, 1906, 13-րդ գիրք, էջ 146:

В Карабахе „утром в день обручения из дому жениха в дом невесты посылают барана, лоб которого покрашен белой и красной краской, на рогах и на шее навешаны сушеные яблоки, нанизанные на нитку, посылают также бутылку водки, вина, фрукты и другие сладости. Принесшего все это угощают и дарят 40—80 копеек. Вечером родители как жениха, так и невесты приглашают своих родственников мужчин. К жениху приглашается также священник и „кавор“ (*բակիր*). Здесь, после того, как распивают по стакану водки, приносят яблоко с воткнутом в него золотым или серебряным кольцом и несколько 20-копеечных монет, воткнутых женщинами. Священник берет яблоко, поздравляет, втыкает 20 копеек, передает своему соседу; так яблоко переходит из рук в руки ко всем присутствующим, затем его кладут на поднос вместе с двумя парами обуви красного и зеленого цвета, одна пара предназначается матери, другая невесте.

В это время приходит мальчик, посланный отцом невесты и приглашает всех присутствующих в дом невесты. Все встают, старики расходятся по домам, остальные отправляются к невесте. Жених обычно остается дома, и лишь в некоторых районах он участвует в этом шествии. Гостей встречает мать невесты, которая обращается к матери жениха со словами: „да станет добром ваш приход“, на что мать жениха отвечает: „вошли в этот дом взять горстку золы. Дай бог сделать нерасторжимый торг. Пусть связь наших молодых будет долговечной“.

Затем гости входят в дом и рассаживаются вокруг очага. Сейчас же подаются кушанья. Несколько спустя в сопровождении одной из женщин входит девушка с закрытым густой вуалью лицом и становится перед священником. В это время перед священником ставят блюдо с фруктами, со свечами, яблоками и обручальным кольцом. Священник освящает все эти предметы, берет обручальное кольцо и передает его жениху, в случае, если тот присутствует. Жених надевает кольцо на палец невесте. Если жених не присутствует, то кольцо передают матери невесты, которая

передает его дочери. Раздаются поздравительные возгласы, подают вино и „различные сладости“¹.

В Борчалу, после того, как состоялось соглашение, отец жениха приглашал близких родственников, а также знакомых и вместе с ними шел в дом невесты, неся с собой ншан (*նշան*) для невесты—шелковый платок или какое-либо украшение: кольцо, золотой крест или ожерелье. Кроме всего этого в дом невесты посылали жареного барана (*խորոված*), шесть—двенадцать узлов (*բաժնիք*) мучного, несколько тарелок халвы, сушеных фруктов, водки, вина и обуви для старшего поколения.

Отец невесты на пороге встречает гостей, приглашает их в дом и угощает водкой. После чего подается чай, а затем и ужин. Пьют поздравительные тосты, а также за счастье и долгую совместную жизнь молодых. По окончании ужина приносят большие подносы, заставленные кушаньями и вином, принесенными из дому жениха.

Вводят невесту, которая становится перед священником, священник приказывает жениху стать рядом с невестой, затем берет ншан (кольцо и другие украшения) и передает жениху, который в свою очередь отдает его невесте. Священник объясняет девушке, что в этот день она соединяется с юношей и что с этого дня они должны быть вместе и только смерть может разлучить их.

Невеста берет кольцо или другое украшение, присутствующие восклицают: „Да благословит господь“. Затем священник берет шелковый платок, набрасывает на голову невесты и читает молитву. Новобрачные все это время стоят взявшись за руки.“²

В Гандзаке, отец жениха с несколькими близкими родственниками отправляется вечером в дом невесты, взяв с собой кольцо, водки, вина, меду, сушеных фруктов и т. д. Здесь их уже ожидают родственники невесты и священник. После непродолжительной беседы все присутствующие садятся ужинать. Затем священник совершает акт обручения.

¹ Աղաքաղաքի նշաններ, 1897, Բ գրք, 121—122;

² Նույն տեղում, 1902, Գ-րդ գրք, էջ 216—217;

Приводят невесту, которая становится перед женихом, священник спрашивает об их согласии, передает юноше кольцо, а тот надевает его на палец невесты. Священник благословляет молодых. В завершение присутствующие распивают по стакану водки и поздравляют молодых и расходятся по домам.

Здесь же, в Гандзаке встречался и другой вид обручения, который назывался вардавари ишандрутюн (*հղհի-դրույուն*)—обручение в день Преображения. Состоял он в следующем. После праздничного обряда, который состоит в день Преображения, все население деревни, от мала до велика, собирается на одну из просторных площадок. Здесь, под звуки зурны начинаются групповые танцы. Затем переходят к танцам поодиночке. В это время мать юноши, желающая женить сына, заранее договорившись с родителями невесты, берет за руку избранную девушку, набрасывает ей на голову красный платок, подводит к музыкантам и просит сыграть танец. Музыканты играют узундара—национальный армянский тавец—девушка танцует, ее будущая свекровь протанцевав несколько кругов, целует руку девушки и передает ей яблоко с воткнутыми в него кольцом или серебряной монетой, насыпает ей в карман немного сушеных фруктов и отходит в сторону. Девушка продолжает танцевать, держа в руке яблоко с кольцом и монетой, затем отдает музыкантам монету и удаляется. Жених также присутствует при этом торжестве. В других, более передовых деревнях сам жених преподносит подарок невесте¹.

В Джавахке „отец жениха приглашает своих родственников, кавора и угощает их. Вечером из дому невесты является посыльный, который с бутылкой водки становится посреди комнаты, наливает бокал и обращается к отцу жениха со словами: „Желаю долгой жизни, кум-ага (называет имя старшего в доме), посылаю тебе свой привет, возьми своих близких и пойдем к нам домой“. После этих слов посыльный выпивает бокал, затем его снова напол-

¹ Աղադրույուն հանդես, 1900, 2 գիրք, էջ 247:

няет и передает куму. „Очень благодарен моему куму,“ — отвечает отец жениха и, обращаясь к присутствующим, добавляет: „наш новый кум зовет нас к нашему цветку, пойдемте“. Выпивает благодарственный бокал, и в сопровождении местной музыки все двигаются к дому невесты, неся с собой 10—20 литров водки, один шелковый отрез материи, нитки трех цветов, полотно, пару туфель, хну и сладость.

После приветствий в доме невесты, мужчины, строго соблюдая порядок старшинства, усаживаются у очага. Отец невесты угощает гостей водкой. „Дай бог дожить до святого венчания“ — говорят присутствующие. После водки обычно подают чай, после чего выводят невесту. Блюдо наполняют сушеными фруктами, конфетами, вокруг укрепляют свечи и ставят на голову одного мальчика, который выносит его в комнату, где его ожидают гости. За ним в сопровождении невестки выходит разодетая невеста. Блюдо ставят посреди комнаты-ода, зурначи преграждают путь невесте и не дают пройти до тех пор, пока отец жениха не даст им по 20 копеек. Сначала невестка, сопровождающая девушку, а за ней и сама девушка кланяются по пояс присутствующим, а затем целует руку священнику. Священник читает молитву, кольцо, принесенное отцом жениха, одевает на палец невесты, освещает головной платок и набрасывает на голову невесты, произнося следующее: „Поздравляю, дай бог счастливой жизни“. Отец жениха дает священнику от 20 копеек до рубля. Невеста целует руку священнику, отцу, свекру и затем всем присутствующим, после чего становится около свекра. Сейчас же подают водку, гости пьют, поздравляют родителей молодых, желают молодым долгой жизни и поздно ночью расходятся¹.

В Муше после смотрин отец жениха приглашает к себе своих близких родственников и знакомых и вместе с ними отправляется к невестке. После чая в доме невесты кавор просит раздать по стакану вина и привести невесту. Вхо-

¹ Աղգաղաղաղա չափերն, 1897, Բ. գրք, էջ 121—122:

Նոր-Ղար, № 1889, № 20:

дит невеста в сопровождении старой женщины, по очереди целует руки кавора, будущего свекра и затем всех остальных гостей. Отец жениха набрасывает на шею девушки ожерелье из золотых или серебряных монет. Иногда, очень редко для освящения ишана—обручального подарка приглашают священника¹.

Не трудно усмотреть из приведенного нами материала, что центральным моментом в обряде обручения является акт передачи невесте кольца или других предметов украшения. Кольцо и другие украшения мы склонны рассматривать как сохранившийся в символизированной форме задаток-остаток существовавшего некогда порядка купли жен.

В период покупного брака, появление которого обусловлено дальнейшим развитием производительных сил, создавших возможность накопления богатств, что в свою очередь стало основанием для начала торговли, украшения стали своего рода мерилем богатства.

Из этнографического материала известно, что у многих народов Африки и Океании, находящихся на первобытной стадии развития, женщины носили многочисленные украшения, как выражение богатства.

„Металлические украшения,—пишет Плеханов,—свидетельствовали не о ловкости, а о богатстве, богатый собственник уже в силу своего тщеславия должен был надеть как можно больше таких украшений на женщину, которая в то время, по крайней мере местами, сама все более и более делалась его собственностью“².

Предметы украшения, представляя собой потребительскую ценность, при развитом обмене, при котором и появляется покупной брак, как один из видов обмена, могли войти в обмен наряду с другими ходкими предметами, становясь тем самым меновыми ценностями.

Украшения, фигурирующие при обручении, представляя собою своего рода меновую ценность, являются задат-

¹ Աղգաղաղի չաղի, 1916, XXVI գրք, էջ 173:

² Литературное наследство Г. В. Плеханова, сб., т. 3. Соцэкгиз. Москва, 1936 г., стр. 38.

ком, частью покупной цены, вносимой женихом роду невесты.

Подтверждением этой мысли служит распространенный в Армении обряд, который в литературе принято называть неофициальным обручением. Состоит он в следующем: когда стороны приходят к соглашению, на утро дня обручения и чаще в день сватовства, отец, мать, дядя по матери или жена дяди передают матери невесты или самой невесте кольцо и другие предметы украшения.

„В Васпуракане мать жениха, узнав о предварительном согласии родителей невесты выдать дочь за ее сына, набрасывает на шею невесты нитку золотых монет или же надевает ей на палец кольцо“.¹

„Девушке до обручения дарили шаль на голову или же какое-либо золотое украшение“ (в Муше).²

В Карабахе „после того, как родители невесты выразили свое согласие, юноша с женою брата, взяв с собою кольцо, идет в дом невесты. Входит невеста с закрытым лицом и угощает гостей.

Женщина, пришедшая с женихом, открывает лицо девушки, целует ее в лоб и надевает на палец ей принесенное из дому жениха кольцо.“³

В Борчалинском районе, когда сваты шли за окончательным ответом, они брали с собою кольцо, багдадскую шаль и водку. И если отец невесты давал положительный ответ, сваты вытаскивали из кармана вино, распивали его, приводили невесту, дарили ей кольцо и шаль.⁴

Иногда этот обряд происходил в отсутствие невесты. Встретившись где-нибудь вне дома, отец жениха просил отца невесты выдать дочь за его сына и, если следовало согласие отца невесты, отец жениха передавал кольцо или другой предмет, чем и обязывал его.⁵

¹ Աղդադրաիան Հանդես, 1910, 20-րդ դիրք, էջ 146:

² Նույն տեղում, 1916 թ., 26-րդ դիրք, 156:

³ Նույն տեղում, 1897, 1-րդ դիրք, էջ 126:

⁴ Նույն տեղում, 1902, 9-րդ դիրք, էջ 217:

⁵ Նույն տեղում, 1908, 16-րդ դիրք, էջ 12:

Обряд этот называется „бей тал“ (*բեյ տալ*), иногда „белгя“ (*բելգյա*).

Название бей тал предметно отражает значение, которое придавал народ этому акту. „Бей тал“ в буквальном переводе означает дать задаток. Предполагаем, что другое название этого обряда „белгя“ есть искаженная форма арабского белаг (belāg), что означает сумма, перешедшего в белгя, балгя.

Акт купли по своей сущности являлся договором, который заключался между двумя сторонами, а каждому договору предшествует предварительное соглашение, которое заключается в внесении какого-то задатка. Эта черта, которая характерна торговым договорам, встречалась и при заключении брачного договора.

Обряд „бей тал“, который являлся одним из необходимых актов при заключении брачного договора, представляется нам не чем иным, как предварительным соглашением, а украшения, передаваемые во время этого обряда родителям невесты—задатком.

Точно так, как при заключении всякого другого рода торговой сделки, в случае, когда покупатель не сразу забирал предмет, он вносил определенный процент стоимости предмета, чем и закреплял за собой предмет, также внесением предмета при „бей тал“ женихова сторона связывала род невесты обязательством выдать дочь за их сына.

Позже при обручении преподносились другие предметы, чаще украшения из благородных металлов: кольцо, ожерелье, браслет, украшение для головы, золотая или серебряная пуговица и др.

Эти украшения вместе с другими подношениями являлись частью выкупа, другая большая часть которого выплачивалась в день, когда девушка переходила в дом жениха.

Внесением этих предметов жених как бы узаконивал свое право на избранную им девушку. Украшения в день обручения назывались ншан (*նշան*)—знак, метка; весь обряд—ншандрек (*նշանդրեք*)—поставить метку. Внося по-

дарки, женихова сторона тем самым утверждала право на избранную невесту, ношение этих подарков говорило о том, что девушка закреплена за тем или иным родом. После обручения невеста обязана носить вещи, подаренные жениховой родней, в противном случае это считалось большим оскорблением роду жениха.

Обручение являлось первоначально одним из актов торговой сделки. Предметы, фигурирующие при обручении—задаток. С появлением церкви обряд обручения был объявлен церковным актом, ему был придан характер таинства, который мог совершиться лишь в присутствии духовных лиц. Для того, чтобы обручение было действительным, священник должен был освятить ншан.

Кольцо вместе с другими предметами, носившее когда-то характер ценности, было перенято христианской церковью и стало одним из важных атрибутов обручения.

Интересно, что кольцо агга на латинском языке означает также задаток. Это, нам кажется, подтверждает наше предположение о том, что кольцо, как ценный предмет, играло роль задатка.¹

Доказательством того, что кольцо первоначально в обручении не имело магического значения, служит то обстоятельство, что кольцо не обязательно при обручении, а может быть заменено другими украшениями.

¹ Агга — термин римского права, соответствующее задатку. Это один из наиболее употребительных в практике римского права способов обеспечения обязательства, заключающийся в том, что один из контрагентов дает другому какую-либо вещь или часть следующей по договору суммы впредь с тем, чтобы доказать существование и обеспечить или исполнение целого обязательства, или, другими словами, агга есть не что иное, как предварительное исполнение целого обязательства со стороны контрагента, который его дает другому.

Таким образом, назначение агга двойко: 1) он удовлетворяет существование главной сделки и обеспечивает ее исполнение; 2) обеспечивает заключение будущего, еще не заключенного договора. Хотя дача агга допускает по римскому праву в обеспечении всякого рода договоров, но была особенно в употреблении при купле-продаже и обручении. Предметом агга в первом случае была большей частью известная денежная сумма, во втором—кольцо.—Б. С. Э.

Так, в Муше кольца вообще нет при обручении, а фигурируют различные другие украшения.

В Карабахе при обручении посылали яблоко с воткнутыми в него золотыми и серебряными монетами.¹

В Вайоц-дзоре при обручении преподносились невесте золотое кольцо и головной платок.² В Сасуне также не обязательно во время обручения дарить кольцо. Здесь чаще дарят браслет или ожерелье.³

В народной песне поется, как юноша находит кусок золота и обращается к ювелиру с просьбой, чтобы тот сделал ншан, ожерелье или браслет с тем, чтобы он мог обручиться со своей возлюбленной.⁴

Украшение, преподносимое в качестве подарка, как мы уже говорили, обычно бывает сделано из ценного материала, золота или серебра, или же в редких случаях бедные семьи в силу крайней нужды заменяли их медными, а иногда и железными украшениями.

Эти редкие исключения, вызванные крайней нуждой, а, следовательно, несостоятельностью их соблюдать традиции. Как правило, подарки должны быть сделаны из материала, представляющего собою денежную ценность.

Если предположить, что кольцо первоначально имело магическое значение, то необъяснимо то, что подарки должны представлять денежную ценность, тем более, что в некоторых районах, если сторона жениха отказывалась впоследствии от брачного договора, родители невесты не обязаны были возвращать подарки, сделанные во время обручения. Однако, при всей невыгоде женихова сторона старалась сделать невесте ценные подарки.

Кроме того, обычное право допускало брать кольцо до окончательного обручения у соседа. Этот порядок также трудно объяснить, предположив, что кольцо предмет, обладающий магической способностью связывать брачные узы, ибо кольцо, взятое на время у соседа, могло скре-

¹ Աղգաղըրի Զանգեզուր, 1897, Բ գրքը, էջ 123:

² Նույն տեղում, 1906, XIII գրքը, էջ 145:

³ Рассказ жительницы Оргова—переселенки из Сасуны.

⁴ Նոր-Պար, 1889, № 20:

пить молодых только не на продолжительный срок, а с возвращением его значит должны быть расторгнуты брачные узы. Разрешение этого совершенно просто, если рассматривать кольцо как задаток, ибо жених, не возвратив кольца, терпел материальный ущерб.

Более убедительным доказательством того, что кольцо изначально не имело магического значения в браке, а было лишь украшением—задатком являются раскопки Е. Лалаяна в Нор-Баязетском районе, Жака Моргана в Лалваре.

В Нор-Баязетском районе Лалаяном раскопан целый ряд могильников, где мужчина похоронен с женой. Могильники эти относятся к бронзовому веку, т. е. ко времени, когда начинается разложение патриархальной семьи и идет дальнейшее упрочение моногамии. Жена в этот период приобреталась куплей.

На женщинах из парных могильников (как и вообще во всех могильниках) кольцо не являлось обязательным, между тем, как почти правило, встречаются браслеты. То обстоятельство, что на женщинах кольца встречаются намного меньше, чем браслеты, говорит о том, что кольцу не придавалось магического значения.

Браслеты же, как предполагает Морган, служили денежными единицами. Эти браслеты были обнаружены в большом количестве на женщинах в различных могильниках. Мы предполагаем, исходя из утверждений Моргана, что браслеты, являясь денежной единицей, преподносились невесте во время сговора, также и кольца, как более мелкие денежные единицы. Иначе трудно объяснить наличие по нескольку браслетов, играющих роль денежных единиц, у женщин в патриархальной семье, где она являлась лишь работницей и не участвовала в торговых операциях.

Итак, украшения и кольцо в обручении есть остаток в символизированной форме покупного брака.

Ряд других моментов при обручении является воспоминанием времен, когда обручение было простым торговым актом. Об этом красноречиво свидетельствует терминология, употребляемая во время обручения. Мать жениха

обращалась к матери невесты со словами: „Дай бог сделать нерасторжимый торг“ (*Աստուծոյ տալ անլուծելի առկառնել*).¹ Другое выражение: „По приказу бога пришли к вам торговаться“. До передачи невесте или ее родственникам подарков между сторонами наблюдалась некоторая настороженность, которую можно объяснить тем, что стороны до окончательного сговора боялись быть обманутыми в сделке. Интересно, что до вручения задатка гости жениха в доме невесты не угощались, ибо, как гласит армянская пословица, „если свату хлеб дать, нужно и дочь отдать“ (*որ էլ ուտի (խնամախոսութիւն) հաց տալ, բերժաւ աղջիկ էլ տալ*).²

Но после того, как вручены предметы, как залог благополучного завершения сделки, в доме невесты гостей обильно угощают водкой и вином.

В одном из районов Западной Армении, когда родственники жениха являются в дом невесты вести переговоры о браке, отец невесты приветливо встречает их и велит жене принести фрукты, вино и угостить гостей. Однако, представители со стороны жениха отказываются от угощения и кладут кушанье и вино в сторону, кавор или старший из рода обращается к отцу невесты со словами: „Нет, ага (имя отца девушки), мы эту водку пить не будем, пока не дадите согласие на нашу просьбу“, и только после того, как приходят к обоюдному согласию, передают ншан и начинают распивать вино.

После передачи ншана, т. е. в завершение обряда обручения происходил другой обряд, способствующий скреплению договора между сторонами. Обряд этот называется обрядом резания хлеба—„нац ктрел“ (*հաց կտրել*).

„Спустя два-три дня после обручения отец жениха с близкими родственниками идет в дом невесты, неся с собою жареного барана, корову (*խորովոս*), один-два пуда вина. Здесь их ожидают родственники невесты и священ-

¹ Ազգագրական հանդես, 1897, Բ գիրք, էջ 121:

² Նույն տեղում, 1906, 13-րդ գիրք, էջ 145:

ник. Гостей угощают чаем, затем приносят три лаваша (хлеб), священник берет их, кладет друг на друга и предлагает отцу жениха взять за один конец, а отцу невесты за другой и обращается к последнему: „по приказанию бога ты отдал свою дочь такому-то“. Отец девушки отвечает: „с любовью отдал“. Три раза повторяет священник этот вопрос и каждый раз получает тот же ответ. Затем читает молитву и произносит: „да благословит господь“. Все присутствующие восклицают: „да благословит господь“, и кумовья тянут хлеба, разрезают их на две части. Отец жениха свою часть кладет за пазуху с тем, чтобы унести домой, так как народ думает, что приход невесты принесет благополучие. Отец невесты свою часть кладет на приготовленный стол и приглашает присутствующих ужинать. Священник берет бокал вина и произносит: „да благословит господь“, „пусть на одной подушке состарятся“. Подносят различные кушанья: толма (голубцы из листьев винограда), плов, яичницу, мацони и другие кушанья.¹

Несколько различен этот обряд у армян Вайоц-дзора. Здесь акт резания хлеба совпадает с обручением.

„Утром семье невесты из дому жениха давали знать, что вечером придут к ним резать хлеб. Вечером родители жениха вместе с близкими родственниками, взяв кувшин вина, направляются к дому невесты. За ужином отец жениха делает предложение и по получении согласия и передачи ншана берет один-два лаваша, сворачивает их в трубку, один конец дает держать отцу невесты, другой берет сам и разрезает ножом хлеба пополам. Свою часть отец жениха делит на мелкие части и раздает пришедшим с ним гостям.“² Этот акт как бы закрепляет дружбу между сторонами, ибо, как говорит армянская пословица, „разрезанное хлебом даже кинжал не может разрезать“ (*հաղի կտրածը թուրը չի կտրի*).

Это означает, если дружба установилась резанием хлеба, ничто не может расторгнуть ее.

¹ Ազգադրական հանդես, 1916, 26-րդ գիրք, էջ 173:

² Արձագանք, 1894, № 48:

После обручения между жениховой родней и родней невесты устанавливались добрососедские отношения. Молодые, как мы уже говорили выше, оставались обрученными от двух месяцев до трех лет. Все это время дом жениха по праздникам обязан был делать подарки невесте. Подношения эти называются „хонча“ (*խոնչա*), „хончабохча“ (*խոնչա-բոխչա*), „шалак“ (*շալակ*) и „пай“ (*փայ*). Из всех этих названий последнее красноречивее всех передает значение этих подношений. Пай—означает доля, т. е. доля невесты.

В Вайоц-дзоре посылались следующие подарки. Первый пай посылают 10 фунтов риса, несколько фунтов масла, свечу и 20 копеек. Для священника второй пай. Свекровь несет в дом невесты 14 гата (*դաթա*), затем аганц (*աղանձ*) и шелковый головной платок—третий пай.

В дом невесты посылали: гату, халву, аганц, платок, зеркало, обувь. Четвертый пай—гата, халва, жареная курица. В этот же день свекровь дарит невесте 20 копеек. Пятый пай посылается—100 штук крашеных яиц, 10 фунтов риса, 3 фунта масла, 20 свечей, пару ботинок, платок для головы, сушеных фруктов и один рубль. Шестой пай—посылаются яйца, гата, халва, платок. Седьмой пай—фрукты, молочные продукты, жареного козленка с кашей из пшеницы, гата, халва, фрукты и одежда для невесты.¹

В Гандзаке посылались следующие подарки. Великий пост. В первый день посылались 7 штук гаты, приготовленной на постном масле, вареную картошку, лоби, плов, лук, вино и водка. Эти подарки называются „поздравляем пост“. Приносящий получает подарок—пару носок, платок или 10—15 копеек.

В первую неделю великого поста в глиняной посуде выращивалось зерно и затем, когда оно проросло, посылали в дом невесты вместе с пловом, вареным лоби, яблоками, вином и водкой. На пасху посылали—15—20 крашеных яиц, бутылку водки, пару носок. Иногда вместо всего этого посылали платок с завязанной в нем 50-копе-

¹ Աղադրական չանդես, 1906, 13-րդ դիրք, էջ 149:

ечной монетой. В Преображение посылалось несколько штук гаты, приготовленная на молоке рисовая каша, жареная курица, две тарелки яичницы. Подарки посылались также по окончании сенокоса.¹

В Буланхе обязанность дома жениха в праздник посылать в дом невесты подарки и в неделю один-два раза кушанье, а также масло, сливки, мацони, гату, обеды: плов, толма и т. д.² Такого же рода подношения мы встречаем в других районах Армении.

Актом обручения невеста уже считалась закрепленной за родом жениха и, несмотря на то, что девушка после обручения продолжала оставаться в доме своих родителей, род жениха передачей ценностей приобретал уже право на невесту и как за члена своего рода нес основную заботу. Этим мы объясняем подношения, которые делались регулярно жениховой стороной в период пребывания невесты в доме отца. Мы видим, что подношения эти делались систематически, промежуток между подношениями примерно месяц. Запасы были рассчитаны на то, чтобы девушка могла прокормиться независимо от хозяйства своих родителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы попытались показать, что сохранение выкупа в Армении до прошлого столетия оправдывалось существующими в этот период социально-экономическими условиями, именно господством натурального хозяйства, которое не могло искоренить обычай выкупа.

Но уже после реформы 1870 года в Армении начался процесс разложения деревни. Правда, процесс этот шел медленно и во многих отдаленных районах, находящихся в невыгодных географических условиях, не был завершен вплоть до революции, но тем не менее капиталистические отношения проникли в города и села Армении.

¹ Ազգաբնակչության հանդես, 1900, 2 դիրք, էջ 248:

² Նույն տեղում, 1899, 6 դիրք, էջ 95:

Так, в сферу капитализма были втянуты Александрополь (Ленинакан), Нахичеван, Зангезур, Кульп, Шуша, Армавир, а также армянские города, находящиеся на территории Турции: Ван, Эрзерум. Раньше Армении на путь капиталистического развития вступили Баку, где 60% крупной промышленности находилось в руках капиталистов-армян, а также Тифлис.

На основе новых производственных отношений наблюдается процесс отмирания выкупа. Отмирание выкупа более явно происходило в городах. В городах Армении на первоначальной стадии развития, когда не было еще развитого производства, женский труд оставался вне производства. Основным источником пропитания в пролетарских семьях являлся мужской труд. Женщина выполняла лишь незначительную домашнюю работу. Приобретая жену, мужчина не был заинтересованной стороной как прежде, напротив, жена была „лишним ртом“, которую он должен был прокормить. Заинтересованной стороной при таком положении становился отец девушки.

В буржуазных семьях, где „лишний рот“ не был чувствительным, но в силу новых отношений капиталистического общества, обладающего магической силой превращать все в товар, женщина становилась также товаром, приносящим прибыль. Буржуа, заключая браки, не прельщался личным достоинством женщины, а тем богатством, которое она должна была принести в его дом.

В основном выкуп продолжал существовать в качестве правовой нормы в наиболее отсталых районах Армении, так, например, в Абаране, в Балу.¹ Об этом свидетельствуют корреспонденты, по наблюдениям которых выкуп продолжает существовать в отдаленных районах Западной Армении.

Выкуп отмирает в силу новых социально-экономических отношений, пошатнувших основы его существования, но вместо выкупа усилилось приданое, которое в сущности не меняет характера заключения брака, как торговой сделки.

¹ Արձադիւնք, 1895, № 57—59:

По мере развития капитализма брак по расчету приобретал все более откровенный характер, в основу брака при капитализме положен голый расчет. Девушка в буржуазной семье рассматривается как товар „хороший“ и „плохой“ в зависимости от приданого.

Тяжелым и унижительным является положение женщины в современном нам капиталистическом мире. Под прикрытием лживых деклараций о равноправии, женщина все еще фактически влачит свое неполноправное существование, даже в США и Англии, которые так крикливо рекламируют свой демократизм. Не говоря уже о негритянках, которые низведены до положения рабынь, лишенных всех человеческих прав. Лживая американская демократия применяет бесчисленные формы дискриминации белой женщины, ограничивает возможность ее поступления на службу, в высшее учебное заведение. Только в девяти Штатах США имеется закон о равной оплате мужского и женского труда. А в штате Алабама существует закон, по которому муж имеет право наказывать жену палкой, „диаметром не толще двух пальцев“.

В „социалистической“ Англии Этли и Бевина женщина за равный труд с мужчиной получает лишь 50—70 процентов зарплаты последнего.

Если так обстоит дело в метрополии, то не трудно догадаться о положении женщины в колониях. Достаточно напомнить о таком страшном факте, что средняя продолжительность жизни в Индии составляет 26 лет. Само собой разумеется, в таких условиях должны все еще крепко держаться унижающие женщину варварские пережитки в браке. В тех или иных формах брак в капиталистической действительности продолжает оставаться торговой сделкой, о чем красноречиво свидетельствуют страницы специальных брачных газет с неизменными справками о размерах капитала брачующихся. Тысячи семейств возникают и распадаются по причине деловых расчетов, с полным игнорированием таких „сентиментальностей“, как взаимное влечение, любовь. В капиталистической деревне в

полной мере продолжают процветать такие отвратительные явления, как покупка и продажа женщин.

Иначе обстоит дело в пролетарской семье, где исключается заключение брака на основе экономического интереса по причине специфических социальных условий существования рабочих.

Женщина в пролетарской семье вовлекается в общественное производство и своим трудом приобретает экономическую независимость и перестает материально зависеть от мужа. Это относится к периоду развитых капиталистических отношений, когда возможно введение в производство машин и когда стало возможным „применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами“.¹

Женщина при этих условиях участвует в производстве и тем самым получает некоторую самостоятельность.

„Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами“², — писал Маркс.

Таким образом, уже при капиталистических отношениях в пролетарской семье появились задатки освобождения женщин.

Выкуп и приданое были следствием семейно-правового неравенства женщины, что в свою очередь было следствием экономического господства мужчины.

Исчезновение обоих условий, как выкупа, так и приданого при браке возможно лишь при окончательном освобождении женщины, которое может осуществиться лишь в социалистическом обществе, на основе ее участия в общественном производстве.

Во все предшествующие социалистическому об-

¹ Маркс, Капитал, т. I, Гиз полит. лит., 1949 г., стр. 400.

² Там же, стр. 495.

щество периоды женщина хоть и исполняла труднейшую работу в семье мужа, тем не менее она оставалась лишь рабой, прислужницей в его доме.

Положение женщины в дореволюционной семье образно охарактеризовал товарищ Сталин в выступлении на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей.

„В самом деле, если подумать, что представляли собой женщины раньше, в старое время. Пока женщина была в девушках, она считалась, так сказать, последней из трудящихся. Работала она на отца, работала не покладая рук, и отец еще попрекал ее: „Я тебя кормлю“. Когда она становилась замужней, она работала на мужа, работала так, как ее заставлял работать муж, и муж же ее попрекал: „Я тебя кормлю“.¹

Окончательное освобождение женщины стало реальным в Армении лишь после установления советского строя.

Брак в Советской Армении, как и во всех других советских республиках,—равноправный союз. Такой брак стал возможным благодаря установлению фактического равноправия женщины, которое обусловлено ее экономической самостоятельностью. Женщина в Советской Армении на равных свободных началах с мужчиной участвует в общественном производстве.

Ленин писал: „Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было участие женщин в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина“.²

Освобождение женщины уничтожило окончательно одно из следствий ее неравенства и экономической зависимости от мужчины: приданое и выкуп.

И, действительно, молодежь Армении о выкупе знает лишь по рассказам своих дедов и бабушек. Правда, в современном свадебном цикле армян можно найти обряды, отражающие покупной брак, но они являются лишь пере-

¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 642.

² Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 467.

житками когда-то существовавшего обычая. Это—пережитки, сохранившиеся по традиции. Их наличие, естественно, ни в какой мере не оправдано существующими условиями жизни.

Остатками покупного брака являются подарки, делаемые невесте в день обручения: кольцо, часы и др. украшения, а также отрезы на платье, туфли и т. д.

Во время свадьбы девушке также делают подарки близкие родственники жениха. Подарки эти потеряли свой смысл как остаток покупной цены, и, делая их, обе стороны воспринимают как признаки внимания.

Победа социалистических отношений в СССР, осуществление фактического равноправия женщин, подорвали социальные корни таких оскорбительных для женщины пережитков старого мира, как выкуп и приданое. В стране, где женщина вместе с мужчиной строит коммунистическое общество, управляет государством, защищает свою родину, в стране, где миллионы женщин с высшим и средним образованием, миллионы прославили себя на поприще стахановского труда, для выкупа, приданого и подобных явлений не остается почвы. И если такие случаи продолжают бытовать среди отдельных отсталых людей, то это свидетельствует о живучести пережитков капитализма и необходимости борьбы против них.

Итак, выкуп, существовавший с древнейших времен до XIX века, окончательно исчезает лишь в период советской власти на основе общественного производства и участия в этом производстве женщины на равных началах с мужчиной.

Сбылись предсказания Энгельса о том, что появится новое „поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие средства социальной власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, или отказываться отдалиться мужчине из боязни экономических последствий“.¹

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Огиз, 1947 г., стр. 94.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Маркс, Капитал, т. I, Гиз пол. лит., 1949 г.
- К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV. Москва, 1933.
- Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Огиз, Москва, 1947 г.
- Ленин В. И., Сочинения, т. III. Гиз полит. лит., 1941.
- Ленин В. И., Сочинения, т. XXIV Гиз полит. лит., 1932 г.
- Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), том III, Партиздат, 1936 г.
- Сталин И. В., Сочинения, т. IV. Гиз полит. лит., 1947.
- Вейнберг, Картины кавказской жизни. Тифлис, 1884 г.
- Дубравин. История войны и владычества русских на Кавказе. С.-Петербург, 1871 г., т. I.
- „Кавказ“ (газета)—1856 г., № 55, 1872 г., № 24, 1875 г., № 138.
- Моисей Хоренский, История Армении. Москва, 1939 г.
- Научные записки Закавказского Коммунистического Университета имени 26. Т. I, вып. 6, 1931 г.
- Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа (СМОМПК), 1882 г., вып. 2, 1888 г., вып. 2, 1889 г., вып. 1.
- СМОМПК, 1892 г., вып. 13, 1893 г., вып. 13, 1898 г., вып. 25.
- Этнографическое обозрение, 1889 г., 1899 г., X.
- Записи, проведенные нами в 1948 г. в Аштаракском районе, а также—
переселенцев Эрзерума,
переселенцев Сасуна,
переселенцев Карса.
- Արարատ, 1874 թ., № № 223, 224, 225, 226:
- Արձագանք, 1893 թ., № № 1, 121, 127, 1894 թ., № 48:
- Բաղմազիպ, 1902 թ., № 9—10:
- Բյուզանդիոն, 1890 թ., № 207:
- Հորիզոն, 1914 թ., № 235:
- Մեղրու Հայաստանի, 1873 թ., № № 7, 20:
- Մշակ, 1874 թ., № 36—42:
- Նոր-Պար, 1885 թ., № 3, 173, 1887 թ., № № 11, 99, 1888 թ., № № 42, 87, 1889 թ., № № 9, 20, 125, 1890 թ., № 270, 1891 թ., № № 29, 30, 31, 1893 թ., № 121, 1894 թ., № 213—214, 1896 թ., № № 14, 220, 213, 1897 թ., № № 128, 129, 130, 1899 թ., № № 4, 49, 55, 1900 թ., № № 21, 26, 41, 1902 թ., № № 777, 164:
- Ազգադրական Հանդես, 1896, Ա զիբը, 1897, Բ զիբը, 1898, Գ զիբը, 1899, Ե զիբը, 1900, Զ զիբը, 1902, IX զիբը, 1904, XI զիբը, 1906, XIII զիբը, 1907, XV զիբը, 1910, XIX զիբը,
- Մ խ ի թ ա ր Գ ո շ, Դատաստանազիբը Հայոց, Վաղարշապատ, 1880:
- Կանոնազիբը Հայոց, Թիֆլիս, 1913:
- Ս ա ռ զ ս յ ա ն Հ., «Բալու», Գանձեր, 1931:
- Տ ե ր - Ա զ Ե ք ս ա ն զ ր յ ա ն Գ., «Թիֆլիսեցոյ Մտազոր Կյանքը», Թիֆլիս, 1885:

Խ. Ս ա մ Ե լ յ ա ն, Հին Հայաստանի կուլտուրան, հատոր 3-րդ, Երևան, Արմֆան, 1939 թ.:

Адонц, Армения в эпоху Юстиниана. С.-Петербург, 1908 г.

Ковалевский М. М., Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Огиз, Москва, 1939 г.

Плеханов Г. В., Письма без адреса. Литературное наследство Г. В. Плеханова, Сборник 3. Соцэкгиз. Москва, 1936 г.

Ратцель, „Народоведение“. СПб, 1902 г.

Чернышевский, Эстетика. Госиздат Искусство, Москва—Ленинград, 1939 г.

Советская этнография. 1948 г., № 4.

Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Ленинград, 1933 г.

ԻՄՄԱ ԿԱՐԱՊԵՏՅԱՆ

ԳԼԽԱԳԻՆԸ ՀԱՅ ՀԱՐՍԱՆԵԿԱՆ ՍՈՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԵՋ ԵՎ ՆՐԱ ՎԵՐԱՑՄԱՆ ՍՈՅԻԱԼ-ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հակառակ բուրժուական բանասիրութեան մեջ իշխող կարծիքի, թե կնոջ գնումը առեանգման փոփոխված ձևն է, մենք հակված ենք բացատրել այն իբրև պատմական մի բարդ երեվոյթ, որի երևան գալը հնարավոր էր միայն որոշակի սոցիալ-տնտեսական պայմաններում, պատրիարխատի շրջանում, երբ կուտակված հարստութունը կարող էր հնարավոր դարձնել կնոջ գնումը:

Արդեն հնագույն Հայաստանում կնոջ համար գլխազին վճարելը հանդիսանում էր իրավական ինստիտուտ, որը շարունակվում էր մինչև 19-րդ դարի վերջերը: Գլխազնի երկարատև հարստեղումը մասամբ բացատրվում է ավանդական սովորութիւնների պահպանողականութեամբ, որոնք, անկասկած, խաղում էին արգելակող դեր: Մակայն, հիմնականը և սրտոյդը այստեղ այն սոցիալ-տնտեսական պայմաններն էին, որոնք սնում և նպաստում էին այդ սովորութիւնների պահպանմանը:

Հայաստանը 19-րդ դարի երկրորդ կեսին դեռևս մնում էր իբրև ագրարային երկիր, հիմնականում բնավաճ տնտեսութեամբ: Միայն 19-րդ դարի 70-ական թվականներին կապիտալիստական

հարարերությունները թափանցում են նախ՝ քաղաքները, իսկ այնուհետև՝ նաև գյուղերը, քայքայելով վերջինիս նստուրալ տնտեսական հարարերությունները: Սակայն, կապիտալիզմի զարգացման այս պրոցեսը, ինչպես նաև պատրիարխալ-պահպանողականության և ճորտային կացութեան քայքայումը կատարվում էր շատ դանդաղորեն, հարատևելով երկար տարիներ: Այս պայմաններում, երբ տնտեսությունը գրեթե բոլոր տեղերում շարունակում էր կրել նստուրալ բնույթ, գյուղացին հարկադրված էր առավելագույն չափով օգտվել իր աշխատանքային հնարավորությունից այն հաշվով, որ տեխնիկական բազայի ծայրաստիճան հետամնացությունը ստիպում էր նրան շատացնել տնտեսության աշխատավոր ձեռքերի թիվը: Կինը, գրեթե օրպես տղամարդուն հավասար աշխատավոր, պետք է որ բարձր գնահատվեր գյուղացու տան մեջ, այդ պատճառով էլ կնոջ ձեռքերումն, իբրև աշխատողի, շարունակվում էր անհայանվել նախասովետական Հայաստանի պայմաններում:

Կնոջ գլխադիրը Հայաստանում վերացվեց միայն սովետական կարգերի պայմաններում, բայց պրոլետարական ընտանիքներում, որտեղ կյանքի սոցիալական յուրահատուկ պայմանների պատճառով բացառվում էր տնտեսական շահագրգռվածության հիման վրա կատարվող ամուսնությունը, այդ երևույթը գոյություն ունի նաև առաջ, որովհետև պրոլետարական ընտանիքի կինն ընդգրկվում էր հասարակական արտադրության մեջ և իր աշխատանքով ձեռք էր բերում տնտեսական անկախություն, դադարելով նյութապես ամուսնուց կախյալ լինելուց:

Շուրջան էլ սաքսափելի ու գարշելի է թվում հին ընտանիքի քայքայումը կապիտալիստական սխտամի ներսում, բայց և այնպես խոշոր արդյունաբերությունն այն վճռական դերով, որ նա հատկացնում է կանանց, երկու սեռի դեռահասներին ու երեխաներին, արտադրության հանրորեն կազմակերպված պրոցեսում տնային ոլորտից դուրս, տնտեսական նոր հիմք է ստեղծում ընտանիքի ու երկու սեռի հարարերությունների մի ավելի բարձր ձևի համար:¹

Ամուսնության մեջ գնման իսպառ վերացումը հնարավոր է միայն կնոջ վերջնական ազատագրման պայմաններում, որը

¹ Կ. Մարքս, Կապիտալ, առաջին հատոր, Երևան, 1933 թ., էջ 458:

կարող է հնարավոր դառնալ միայն սոցիալիստական հասարակության մեջ:

Սոցիալիստական հարաբերությունների հաղթանակը ՍՍՌՄ-ում վերջնականապես քայքայեց կնոջը վիրավորող հնչյունապետի մնացուկների արժանիքը, ինչպես նրա գլխագինն էր:

Մեր երկրում, ուր կինը ազամարդու հետ հավասար կառուցում է կոմունիստական հասարակություն, ղեկավարում է պետություն, պաշտպանում է իր Հայրենիքը, ուր կան միլիոնավոր կանայք բարձրագույն կրթությամբ, ուր միլիոններն իրենց ստախանովյան աշխատանքի շնորհիվ համաժողովրդական փառք են վաստակել, կնոջ գնման և այլ նման երեույթների համար ոչ մի հող չի մնում: